

Сборник рассказов
Хорошо

Лариса Хвощевская
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Лариса Хващевская

**Последнее хокку.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Хващевская Л.

Последнее хокку. Сборник рассказов / Л. Хващевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503090-0

Героини фантастических рассказов Ларисы Хващевской попадают в самые неожиданные ситуации. В какой-то момент им становится понятно, что главное не потеряться в реальной жизни. И помнить, что все не то, чем кажется.

ISBN 978-5-00-503090-0

© Хващевская Л.
© Издательские решения

Содержание

Последнее хокку	6
Пятое озеро	27
1	27
2	28
3	30
4	32
5	35
6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Последнее хокку Сборник рассказов

Лариса Хвощевская

© Лариса Хвощевская, 2019

ISBN 978-5-0050-3090-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последнее хокку

Друзья называли ее на японский манер Майко, хотя на самом деле ее звали Майя. Но если и правда у человека есть предыдущие воплощения, Майко явно была прежде японкой, или, учитывая силу характера, японцем. Может, даже самураем. Все японское тревожило ее душу, начиная от цветущей сакуры и заканчивая величественной Фудзиямой. И поэтому, не раздумывая, она закончила филологическое отделение института стран Азии и Африки и стала переводчицей. Настоящим фанатичным профессионалом. Майко была обладательницей иссиня-черных волос и глаз «цвета неба», как говорилось в одном хорошем советском фильме. Роста она была небольшого, как настоящая японская женщина, но фигурой обладала настолько ладной, что все время вызывала восхищенные взгляды сильной половины человечества и тяжелое недоброжелательство его половины прекрасной. Кто сказал, что красивым женщинам везет в личной жизни? «Да отрежут лгуноу его гнусный язык!» Жизнь красивой женщины складывается трудно. И не стоят под окнами поклонники в очереди. И не борются за нее соперники на рыцарских турнирах. Всем абсолютно понятно, что такая женщина недоступна и наверняка кем-то занята. В итоге в жизни Майко зависти и сплетен было много, а любви до обидного мало.

«Дэру куи ва утарэру», – как говорили ее любимые японцы, или «Торчащий кол сбивают».

Но, несмотря на свою любовь ко всему японскому, этого постулата японского общества она не принимала. Майко не собиралась отступать от амбиций и становиться «как все». А потому продолжала гордо возвышаться над толпой, и маленький рост совсем не мешал ей. Поэтому, когда в бархатный сентябрьский денек мягкий голос с легким японским акцентом сообщил, что ей присуждена премия «Нома» за лучший перевод стихов Ёдзи Аракава, Майка минут пятнадцать носилась как угорелая по квартире. Чем повергла своего кота в состояние шока. Обычно невозмутимый, как японский император, он был вынужден запрыгнуть на единственный книжный шкаф и оттуда совершенно круглыми от ужаса ярко-синими, как у хозяйки, глазами наблюдал за ее странным танцем. Кот породы ацекет с полосками на спине и пятнами на брюшке, с чуть косящими глазами появился у Майко совсем крошечным, и был назван панибратски Мотей. Но кот подрос, и стало понятно, что кличка совершенно не отражает его глубокий внутренний мир. И Майко торжественно нарекла его Ямомотя Курасава, что в переводе с кошачьего означало Мотя – красавчик.

Потом было по-японски скромное, но совершенно пьянящее вручение премии, еще более радостный чек и ощущение не напрасно прожитой жизни.

В тот вечер, с которого все собственно и началось, к ней завалилась соседка с бутылкой вполне приличного шампанского.

Соседка Гела (не путать с булгаковской ведьмой), была полной противоположностью Майко. Она была высокая крашеная блондинка с черными бровями. Бороться с Гелой было все равно, что бороться с торнадо. Они дружили в детстве – это, пожалуй, все, что их связывало. Гела не терзалась поисками смысла жизни и потому жила легко. Чем несказанно удивляла Майко. В ее телефоне всегда был нужный человек на любой случай в жизни. Правда, как казалось Майко, сформировалась у Гелы некая зависимость от этого изобретения человечества. Во всяком случае, телефон она почти не выпускала из рук. И звонки раздавались довольно часто. Связями она обростала легко. Со всеми через минуту знакомства и без приглашения переходила на «ты». Майко, чтобы облагородить в своих же глазах это ее качество, называла Гелу аутентичной. Но некоторые Гелины поступки ее все же коробили. Сидение Майко за книгами Гела делом не считала. Переживала за ее личную жизнь и давала ей бесконечные и абсолютно невыполнимые советы, которые Майко с изумлением выслушивала. И если Майко развивала в себе переводческий талант, то Гела обладала феноменальной способностью выходить

замуж и менять мужей. Гела была замужем 3 или 4 раза. И это только официально. Первым был мужчина из кафе, который опрокинул на нее тарелку с супом. Как потом весело рассказывала Гела, она ему при этом немного помогла. Он повез ее менять платье, и, видимо, процесс этот его увлек. Был в ее списке гинеколог, которому Гела пришла на прием (осмотр затянулся тогда на полгода). Водитель, к которому, перепутав такси, села блондинка, он не знал точного маршрута следования и проездил примерно месяцев пять. И это не считая пары случаев, когда мужей вылавливали частым бреднем интернета. Вообще за нумерацию Майко не ручалась, потому что давно уже не могла выстроить эти истории в хронологическом порядке.

В общем Гела ворвалась с криком:

– Тебя показывали по телеку!

Кроме бутылки в руках у нее был большой коричневый почтовый конверт. Майко изобразила подобие улыбки и обреченно пошла на кухню.

– Ты же знаешь, я не пью, – ворчала она.

Майко достала бокалы и поставила их на стол.

– А я что? Пью? – обиделась Гела и сбросила сидевшего на кожаном диванчике кота. Тот мяукнул, передернулся всем телом и мрачно отправился в комнату. Майко подумала, что если б она была переводчицей с кошачьего, то сейчас узнала бы о Геле много нового.

– Ну, просто сиди, – между тем разрешила Гела. – Ну, и скучная ты, Майка. Знаешь, люди, которые не пьют, вызывают у меня подозрение.

– Ну, да. «Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы».

– Вот всегда ты умеешь красиво сказать мою мысль.

– Сформулировать.

– Не занудствуй.

– И это не я сказала.

– А кто? – равнодушно спросила Гела, увлеченно открывая бутылку.

– Булгаков.

– Ну, – Гела подняла бокал, – за тебя. Теперь мужики повалят.

Они чокнулись. Майко сделала глоток, Гела выпила содержимое до конца.

– Кислятина! Но жить можно.

– А это что? – Майко кивнула на конверт.

– А! – Гела бросила его на стол. – Это тебе принесли. Тебя не было. Пришлось взять. Может, это уже от поклонников?

Майко посмотрела на место, где должен был быть адрес. На конверте значились только имя и фамилия отправителя Сатоси Танака. Записка была короткой. Майко-сан просили перевести хокку малоизвестного, но очень талантливого поэта Сатоси Танака, так как отправитель и автор уверен, что только ей под силу сделать так, чтобы японская музыка зазвучала в русском исполнении. В конверте оказалась тоненькая тетрадка. Видимо, Сатоси Танака выбрал жемчужины из своего творчества. Майко хотела хотя бы мельком взглянуть на исписанные иероглифами листы, но Гела мешала ей сосредоточиться. История, которую она с живостью рассказывала, наконец стала пробиваться до нее.

– Короче. Я тяну дверь – она не открывается.

Майко положила скрещенные руки на стол, а на них – подбородок.

– Что молчишь? – возмутилась Гела.

– Что я должна сказать? – видимо, все-таки большую часть рассказа Майко пропустила.

– Блин! У тебя что каждый раз дверь открывается в другую сторону?

– Гел, что ты несешь?

– Я тебе говорю, – Гела снова налила себе бокал, – я вызывала слесаря Лешу. Он перевесил дверь.

– Зачем?

– Ты ненормальная? – спросила Гела, опорожнив бокал и поморщившись, – надо было коньяк покупать. Я тебе говорю. Прихожу домой, открываю дверь ключом, дергаю – она не открывается.

– Ну? – Майко честно пыталась понять.

– Дергаю – бесполезно. А потом, как в фильме ужасов! Толкаю, а она...

– А она?

– А она открывается внутрь. Ты поняла?

Гела сказала это с такими интонациями, как в детстве, когда в страшных историях доходили до места: она открыла дверь, а там гроб на колесиках!

– А где твой телефон? – вдруг вспомнила Майко.

– Причем здесь телефон? Дома, наверно!

И Майко поняла, что история, рассказанная Гелой, действительно заслуживает внимания, раз заставила ее оставить телефон.

– Она же всегда открывалась наружу!

– Именно! Побоялась домой зайти, тебя не было. Вызвала слесаря. Дверь перевесили, как было.

– Ты шутишь? – Майко почувствовала неприятную занозу. Вроде и не болит, но мешает.

– В квартире никого. А дверь!

– И кто это сделал? И как?

– Откуда я знаю! – почти закричала Гела. – Ты не представляешь, как я напугалась! Это я-то! Которая на спор на кладбище ночью ходила.

– Угу. За деньги.

– Естественно. Что ж я дура по кладбищам бесплатно шляться!

Майко чувствовала, как-то болезненно заинтересовала ее эта странная дверь.

– И что говорит Леша?

– Что? – Гела, не спрашивая, закурила. – Ничего. Дверь как будто всегда в эту сторону открывалась. Петли старые. Черт его знает что! Я точно помню, когда этот мужичок конверт принес, она еще наружу открывалась. Я же сама ее открывала!

– А конверт принес мужчина? – машинально спросила Майко.

– Ну, да. Маленький, невзрачный, узкоглазый. Как твои японцы.

– Что он сказал?

– Не помню. О конях что-то. Может, он из глубинки. Хотя не похож.

– Конничи ва, – Майко усмехнулась. – Это он тебе доброго утра пожелал.

– Угу. Утро добрым не бывает. Тем более мое сегодняшнее утро. Короче. Просил передать это тебе. И ушел.

– Странно. Ни адреса. Ни телефона. Как с ним связаться-то?

– А ты с ним не связывайся. И вообще лучше эти бумажки выкини. Может, они ядовитые.

– Чего?

– Да. Я фильм смотрела, как платье одному королю ядом пропитали, и он умер в страшных мучениях.

– Не королю, а его любовнице.

– Все равно.

– Угу. Не вижу разницы.

Шампанское все-таки закончилось, и Гела засобиралась домой. Она вытащила Майко на площадку для демонстрации своей заколдованной двери. На вид она была совершенно обыкновенной. Майко подозрительно взглянула на раскрасневшуюся Гелу и подумала о том, что эта бутылка шампанского могла быть не первой за сегодня, но ничего не сказала.

– Ты если что – кричи, – предложила свою помощь Гела.

– Если что?

– Ну, откуда я знаю. Может, у нас какая-нибудь нечистая сила завелась.

– Она тебя побоится, – вполне серьезно заметила Майко.

Ямомотя, стоявший на пороге, тревожно нюхал воздух, и Майко шагнула в свою квартиру.

Ей не терпелось взглянуть на тетрадь. Но она все-таки вымыла посуду, предвкушая. И расположилась, наконец, на своем низком диванчике. Однокомнатная квартира была любовно обустроена в японском духе. Минимум мебели, низкий столик, подушки вместо стульев, стилизованные двери-купе, ниша в стене, в которой стояла ваза с цветами и висела картина с изображением цветущей сакуры, этакий маленький островок Японии. Даже на потолке сопротивляющиеся рабочие все-таки сделали деревянные перекладины. И только высокий книжный шкаф выбивался из общего вида. Но Майко любила читать. И любила живые книги.

То, что писал Сатоси Танака, было действительно красиво. Может, чуточку не похоже на то, что ей приходилось читать раньше. Майко в очередной раз изумилась тому, насколько необычен мир японской поэзии. Она не заметила, как наступила глубокая ночь. На ее исходе на бумагу легли, наконец, первые строки.

Еще недавно мирные, тревожатся воды океана, вздымаются гигантские волны, как будто стараясь накрыть всю землю. И холодно, и страшно. Но невозможно оторвать взгляд от этого величия:

*Океан вздохнул
И вдруг заставил вспомнить,
Как все непрочно.*

Сон ей приснился странный. Она видела себя в абсолютно белом помещении со стенами без окон. Чтобы найти дверь (далась-таки ей эта дверь!), нужно было знать некий код. Его-то и не могла найти Майко во сне. И с неприятным ощущением, что весь мир вместился в эту белую комнату, Майко проснулась.

В дверь не просто звонили, а еще и барабанили. Не попадая в тапочки, Майко бросилась в коридор. Споткнувшись о роликовые коньки, она бы упала, если бы не задержалась за вешалку. Ямомотя истошно заорал.

– Майка! Скорее, – Гела, это, конечно, была она, оттолкнула ее и, тоже споткнувшись о ролики, рванула на кухню.

– Ты с ума сошла! – крикнула Майко. Ямомотя был того же мнения, зашипев, он бросился в комнату и занял оборону на шкафу. На кухне грохотала Гела.

– Вот. Иди сюда! Вилки!

Майко повиновалась, но поняла, что в этот раз она действительно разозлилась.

– Двери, вилки! Ты сумасшедшая что ли! Я понимаю, что в твоём лексиконе нет слова со... ве

Майко замерла на полуслове. В открытом Гелой ящике для столовых приборов было что-то странное. Гела молчала, тяжело дыша. Майко еще раз посмотрела в ящик.

– Что? – опасливо спросила она.

– Вилки. Пропали вилки.

– Вилки нашлись, а осадок остался, – попыталась шутить Майко, но вдруг похолодела. В ящике действительно было все, кроме вилок. Лежали ложки, половник, ножи, палочки для суши, спички, даже неизвестно как попавший туда мячик Ямомоти. А вилок не было. И очень Майко захотелось, чтобы они были. Как в известном фильме про мужчин:

«Представь, тебе запретили есть вилками. Сказали: „Никогда не будешь есть вилками“. Казалось бы, хрен с ним. Можно же и ложкой. И сразу захотелось именно вилкой!» Майко даже зажмурилась, потом открыла глаза. Ничего не изменилось.

– Встаю утром. Жарю яичницу, – убитым голосом сообщила Гела. – Лезу в ящик, а там пусто.

– Ты понимаешь, что этого не может быть?

– Но их нет.

Не попадая в кнопки, Гела набрала номер. «Телефон взяла, – машинально отметила Майко. – Значит, уже начинает ориентироваться в ситуации!»

– Леша? Это я. Не. С дверью все нормально. Ты это... Посмотри в кухонный ящик. Мне вилки нужны.

Какое-то время Майко наблюдала за окаменением Гелиного лица.

– Все. У него тоже нет.

– Ты куда? – спросила Майко.

– В супермаркет за вилками.

Это было разумно. Обсуждать случившееся было просто невозможно. «Эсминец мы остановить не можем. А пуговицу найти можем», – бормотала Майко, делая себе бутерброд и кофе. Она села за стол, машинально включила телевизор и, не чувствуя вкуса, стала завтракать. Скоро мелькающие на экране кадры и голос диктора перестали быть просто фоном и заставили Майко смотреть осознанно, она прибавила звук:

– Цунами, накрывшее побережье Индонезии, Шри-Ланки, Таиланда, Индии, было спровоцировано землетрясением у острова Суматра. Амплитуда колебаний составила 9,3 балла. Сотни тысяч остались без крова. По предварительным данным погибло более 100000 человек. Еще вчера мирная жизнь людей разрушена. Это еще раз доказывает, как слаб человек перед лицом стихии. Как все зыбко и непрочо в этом мире.

Мелькали ужасающие кадры, и Майко переключила программу. Все новостные каналы говорили об одном и том же.

– Подумаешь, вилки...

Нет, думать о них совсем не хотелось. Майко чувствовала, как становится от этого зыбким ее собственный мир. Решив подумать о чем-нибудь хорошем, она вдруг вспомнила, что сегодня среда. А значит, сегодня тренировка по айкидо. Она не случайно выбрала именно этот вид спорта. Вернее сказать, айкидо выбрало ее. Путь к гармонии – именно так воспринимала его Майко. Философия айкидо напоминала ей ее любимую японскую поэзию, гармонию в миниатюре. И еще. Сегодня они увидятся с Маратом. Он занимался айкидо шесть лет, успехов достиг приличных. У него был 3 дан. Это было достаточно серьезно, все равно, что черный пояс по дзюдо. Майко всегда удивлялась, как Марату удается все успевать и всегда быть в хорошем расположении духа. Он был врачом, причем хорошим и при этом Майко знала, что он занимается научной работой. Тема, на вкус Майко, звучала ужасно серьезно: что-то там о влиянии компьютерных игр на «супрооптическое ядро гипоталамуса». То, что он не женат, грело ей сердце, но они как-то все время оставались очень хорошими близкими друзьями. И если верить тому, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, и кто-то один все-таки ощущает нечто большее, то, наверно, нечто большее ощущала все-таки Майко. Но ни за что на свете не призналась бы ему в этом. Она и себе-то никогда в этом не признавалась. А потому Марату можно сказать было все. Ну, или почти все.

После тренировки Марат внимательно выслушал сбивчивый рассказ Майко о двери и о вилках. И еще внимательнее посмотрел на нее. Может, потому что он был психиатром.

– Да, я понимаю, как это звучит, – смутилась Майко под взглядом его карих глаз с густыми черными ресницами (на фигу мужчинам такие ресницы!). – Но ты же мне веришь?

– У меня нет оснований тебе не верить. А тебе не приходит в голову, что все это делает твоя ведьма?

– Гела?

– Она вхожа в твой дом. Дверь вообще вне всякой критики. Лично ты видела это?

– Нет. Но зачем ей?

– Ищи мотив, как говорят во всяких дурацких детективных сериалах. Когда поймешь зачем, все встанет на свои места.

– Как же я сразу не подумала!

– Ну, я же гений. Ты знаешь, – его губы растянулись в улыбке «И губы такие чувственные мужчинам тоже без надобности», – подумала Майко, а вслух сказала:

– Знаю. Грань между гением и психом так зыбка.

Теперь Майко почти успокоилась. Но мысль, зачем эта мистификация была нужна Геле, не замеченной ранее в таких вещах, ее удивляла. С мыслями об этом Майко набрала номер своего издателя:

– Добрый день. Я подготовила материал, как договаривались. Хорошо. Погода чудесная согласна. Завтра. В 12.

Ямомотя спал, спрятав нос в лапы, в комнате уютно горела лампа-фонарь под тонким абажуром. И забравшись с ногами на диван, Майко потянула к себе тетрадку Сатоси Танака. Время летело незаметно. В ее воображении цвели вишни, играла негромкая музыка, и жизнь была абсолютно нетороплива. Кто был этот странный Сатоси Танака? Почему именно эти образы родились в его воображении? Даже если сейчас пропали бы все вилки в мире, это не заинтересовало бы Майко, перед внутренним взором которой оживали иероглифы.

Белый от лепестков сад. Тонкий аромат разлит в воздухе. Женщина в кимоно склонилась. Она и сама напоминает ветку сакуры. На ее коленях белый жемчуг, похожий на слезы, что катятся по щекам:

Рассыпался жемчуг.

О! непрочные нити

Красавица плачет.

Майко трогала рукой абсолютно гладкие белые стены. Где здесь может быть скрыт код? Ключ? И кто сказал, что именно она способна его найти? Майко попробовала надавить, приложив усилие. На вид стены были очень хрупки, из какого-то очень странного материала. «Как будто бумага!» – мелькнуло у Майко. Но стены не поддались. Майко впервые видела такую странную бумагу.

Ее разбудил свет, пробивающийся через неплотно прикрытые шелковые портьеры. Как всегда бывало во время работы, засиделась она до глубокой ночи. И теперь, судя по солнцу, было уже около 10.

– У меня же встреча! – всполошилась Майко и кинулась в ванную.

Еще через полтора часа вагон метро выплюнул ее на станции парк Победы. И чувствуя, что опаздывает, Майко устремилась наверх. На какую-то секунду странное неприятное чувство кольнуло ее. Она обернулась. Ничего необычного. Двери вагона привычно закрылись, и поезд, мгновенно набирая скорость, исчез во мраке. На платформе были спешащие, озабоченные люди. Поток подхватил Майко и понес вверх.

В сквер, где они договорились о встрече с издателем, Майко пришла за 10 минут до назначенного срока. Было не по-московски тепло. Небо напоминало не осеннюю муху, а яркое-синее астраханское летнее небо. Родом Майко была из Астрахани, там же жили ее родители. И первое время она очень скучала по синеглазому небу. Потом привыкла. Человек, как

известно, ко всему привыкает! Но сейчас на душе было радостно... Майко села на скамейку и достала книгу.

– Какое удивительной красоты зрелище! – услышала Майко мужской голос и повернула голову. Рядом на скамейке сидел приятный пожилой мужчина. Морщины возле глаз и само выражение лица говорили о том, что человек этот часто улыбается. Знаете, есть такие люди с вечной готовностью к улыбке. Не американско-бездушной, а абсолютно настоящей, заставляющей вас немедленно улыбаться в ответ. Одет он был чисто и скромно. По московской погоде на коленях у него на всякий случай лежал плащ. Был и зонт. Настоящий. Не складной. С удобной массивной ручкой, на которую пожилой седовласый мужчина опирался. Он был похож на Гагарина, если бы первый космонавт дожил до 60 лет.

«Мм. Встреча на Патриарших. Никогда не разговаривайте с неизвестными», – весело подумала Майко. Глаза мужчины улыбались, и Майко улыбнулась в ответ.

– Какое именно зрелище Вас удивило? – спросила она.

– Читающая, подчеркиваю, живую книгу красивая девушка.

– Я тоже называю их живыми, – обрадовалась Майко.

– Так оно и есть. Все три перечисленных мною момента вызывают мою радость. Меня зовут Геннадий Михайлович.

– Майко.

Геннадий Михайлович удивленно вскинул брови:

– Что-то японское?

– Друзья шутят. Но вообще-то я перевожу с японского.

– Не сомневался, что должно быть здесь еще что-то удивительное. Вы не москвичка.

– Нет.

– Красота у вас не московская. В Москве, к сожалению, мало красивых женщин. И все они в основном приезжие, – улыбнулся он.

Геннадий Михайлович помолчал.

– Япония. Самая читающая в мире страна. Независимо от того, что все технические новинки рождаются именно там. Ну, или в большинстве своем.

– И как же им это удается? Менталитет?

– Менталитет, конечно, волшебное слово, которое все объясняет, – усмехнулся он.

– Тогда что?

– Забота о будущем. Настоящая. Не на словах. Они вообще-то не многословны. Вам ли не знать.

– Согласна, – Майко получала удивительное удовольствие от этого разговора. Этот старик излучал абсолютно молодую энергию. И эта не сходящая с лица улыбка, которую редко встретишь в Москве.

– Они приучают читать с детства.

– Ну, мы вроде тоже говорим о пользе чтения?

– Говорим, – поднял палец Геннадий Михайлович, на мизинце сверкнул алый камень. Это было столь неожиданно, что Майко удивленно приподняла бровь и еще раз оглядела незнакомца. Простая одежда, чистая рубашка, разве что очень хорошая обувь.

– А они формируют привычку. В японских школах каждый день есть урок чтения. Просто чтения. Они не анализируют, не задают домашние задания. Они читают. Делают это полезной привычкой.

– Не знала, – удивилась Майко. – Это действительно здорово.

– Я не против компьютеров и компьютерных игр. С профессиональной точки зрения это мне интересно.

– Вы программист? – удивилась Майко.

– В то время, из которого я, не было такой специальности. Но я математик. Посмотрите, – кивнул он на противоположную сторону. Там на такой же скамейке сидели двое юных. Наметанный глаз Майко определил, что это пара. Они сидели, близко соприкасаясь плечами, но на этом, пожалуй, близость заканчивалась. И тот и другой были погружены каждый в свой айфон. Пальцы их беспрерывно двигались.

– Это свидание. Вы согласны? – спросил Геннадий Михайлович.

– Да, – грустно согласилась Майко.

– И по сути они одиноки. Книги заставляют искать общения. Делиться тем, что пережито.

– Заставляют любить жизнь, – добавила Майко.

– Нет. Не заставляют – учат. А компьютерные игры отучают жить в реальности. И это не стариковское ворчание. Это простите за каламбур, реальность.

– Странно, что вы заговорили об этом.

– Вы знаете игру «Симс»?

– Каюсь. Даже играла, – улыбнулась Майко.

– Хм. Я тоже пробовал играть в разные игры. Врага надо знать в лицо. Я недавно прочел статистику. Всего игроки «Симс» провели 107 миллионов часов в игре, что равнозначно 12205 годам в реальной жизни. Создано 32 миллиона симов, которые произвели на свет 5, 7 миллионов детей. И это официальная статистика. Они еще не считали пиратские копии игры.

– Никогда не думала об этом так.

Молодые люди встали и, не держась за руки, двинулись по скверу. Их взгляды были по-прежнему устремлены в экраны мобильных телефонов.

– Может, это какая-нибудь новая реальность, – задумчиво произнесла Майко.

Геннадий Михайлович между тем протянул Майко визитную карточку. На мгновение ей показалось, что сейчас она увидит на ней букву W. Но нет. Геннадий Михайлович Ольшанский, значилось на ней, профессор математики.

– Буду рад еще раз побеседовать с Вами, – Геннадий Михайлович еще раз лучезарно улыбнулся. – Понаблюдайте за всем вокруг. Это будет увлекательное занятие.

Майко еще какое-то время смотрела вслед удаляющейся фигуре, а потом вспомнила о времени. Прошло больше сорока минут от назначенного срока, и Майко не на шутку обеспокоилась и стала настойчиво, но безуспешно звонить редактору.

– Неправильно набран номер, – равнодушно вежливо сообщил ей робот.

– Что значит неправильно? – Майко было все равно, что ответа она не дожидается. – Блин! Полдня потрачено.

Майка с остервенением кинула книжку и телефон в сумку. Номера издательства она не помнила, а это означало, что придется возвращаться домой несолоно хлебавши. «Кстати, о „хлебавши“, – подумала Майко. – Надо зайти в супермаркет, купить все-таки что-нибудь поесть. А то Ямомотя меня домой не пустит».

Домой она пришла к вечеру и успела только поставить пакеты к лапам не сдерживающего интереса Ямомоти, как он тут же засунул голову в пакет и со знанием дела зашуршал им.

– Ямомотя, – наставительно сказала Майко. – Ты туда что-нибудь положил?

Еще более яростное шуршание было ей ответом.

– Ты дома? – услышала она голос Гелы за дверью.

– Блин!

Ключ как обычно Майко оставила с наружной стороны.

– Тебя когда-нибудь обворуют, – возмутилась Гела, вставляя ключ изнутри. – Ты вообще дверь закрываешь?

– На ночь, наверное.

Майко устало опустилась на обувницу:

– Слушай, у меня сегодня такой день дурацкий. Я только пришла. У тебя что-то срочное?

- Это у тебя день дурацкий?! Ты про мой не знаешь!
- Что на этот раз? – скептически поинтересовалась Майко.
- Ужас! Вот не ездила я на метро, не надо было начинать!

Пока Майко вытаскивала из пакета кота, пока несла его (пакет) на кухню, Гела без умолку говорила.

- Да Паша этот! Пробки, пробки!
- Кто это Паша?
- Да не важно.
- Ну, да. Дура одна с Садовой.
- Чего?
- Ничего, Гел, ничего. И так?
- Ты вообще меня могла потерять.

– Это возможно? То есть в смысле? – Майко держала в руках пакетик «Вискаса» под пристальным взглядом Ямомоти.

– В прямом. Вышла я на Парке Победы. А потом в новостях передали: сошли с рельс три вагона! Говорят, вагоны, прям, рассыпались! Двадцать человек погибло. Сто шестьдесят пострадало. Еще бы пять минут, и все!

– Какой кошмар! – Майко передернула плечами. – Я ведь тоже сегодня там была. А возвращаться решила на автобусе.

– Может, меня сглазил кто?

– Нет, скорее, это магия Вуду, – Майко высыпала содержимое пакетика Ямомоте, и тот, несмотря на императорские амбиции, стал есть, заплевывая все вокруг.

– Да, ну тебя с твоими японскими штучками!

– Сирану га хотокэ. Невежество – блаженство. Послушай, человек-катастрофа, ты вилки купила? – машинально спросила Майко.

– Да.

– Дай одну. Салат поесть.

Вилка любезно была принесена, еще полчаса мучений, рассказов о катастрофе, в которой она, Гела, чуть было не погибла. И, наконец, Майко осталась одна. Ямомоtia давно ушел спать. Он и вообще не выносил Гелиного присутствия. Майко попыталась несколько раз набрать издателя. Ей повторили то же, но самое удивительное, что Майко не смогла дозвониться и в издательство. Не было гудков. В эфире стояла глубокая, звенящая тишина. Несколько раз ей показалось, что в этой тишине ее все-таки кто-то слушал. Но поняв бредовость идеи, Майко прекратила попытки. Она включила Земфиру и в изнеможении растянулась на диване.

Девочка, живущая в сети.
Забывшая любовь между строк,
Между небом и землей.
Девочка, уставшие глаза,
Догнавшие рассвет, только ей.
Только ей,

– пел удивительно красивый голос. Майко подумала о Марате, и как будто в ответ на ее мысли зазвонил телефон.

– Привет, ты можешь разговаривать? – у Марата был приятный баритон, глубокий и одновременно мягкий.

Жаль, что по роду его врачебной специализации, шутила Майко, ему не надо говорить «Раздевайтесь!» «Представляешь, Марат, как бы млели твои пациентки!»

– Привет, – искренне обрадовалась Майко. – С тобой могу!

– У тебя все хорошо?
– А что?
– Ты слушаешь Земфиру.
Майко засмеялась:
– Ты хорошо меня знаешь.
– Я знаю твои симптомы. Что там с вилками?
– Гела подарила две. Приходи как-нибудь в гости... Я тут до издателя не могу дозвониться.
– Ну, это совсем не странно.
– И до издательства тоже.
– Мало ли. Завтра съезди и выясни.
– Ты знаешь про метро?
– Знаю, – Марат вздохнул. – Не смотри телевизор, не втягивайся в этот информационный маятник. Я тебе как врач назначаю немедленный сон.
– А поработать можно? – отшутилась Майко.
– Можно, – Марат помолчал. – Но не долго. «Дайте ему бумагу и коротенький карандаш»
– Угу. «И ванны попробуйте, и кислород», – подхватила Майко. «Мастер и Маргарита» была их общая любимая книга. Они понимали друг друга с полуслова.
Мягко шуршит под ногами мелкий белый песок в саду камней. Ничто не шелохнется. Нет ветра. И в молчании созерцает человек красоту. И кажется, что даже время остановилось.

*Отправился в путь.
Но забыл обернуться,
Прощаясь, ветер.*

Стены были точно из бумаги. Но теперь они казались не чисто белыми. Как будто в некоторых местах стали проявляться какие-то черные точки или черточки. Майко пыталась разглядеть их во сне. Но ей это не удавалось. Единственное, что начала понимать Майко, что ключ к разгадке как-то связан с этими странными, скупо проявляющимися знаками.

Солнце еще не поднялось высоко. В форточку дул прохладный освежающий ветер. Майко встала и медленно побрела в ванну. Вчерашнее хокку не выходило у нее из головы. Веяло от него какой-то совершенно не русской печалью. Гремевший до этого момента пустыми мисками на кухне, Ямомоля мгновенно оказался рядом и стал путаться под ногами. По опыту Майко знала, что дальше начнется дикий бег с торможением на поворотах, потом диван будет использован вместо когтеточки и под конец будет демонстративно опрокинута ваза с цветами, которую каждый раз спасало только татами на полу. Поэтому Майко выключила воду и пошла на кухню. Она положила Ямомоля еды в миску. Поставила чайник с ромашками на плиту и включила телевизор. На этом спокойное течение дня кончилось. На экране улыбчивые ведущие с рассказом об особом приготовлении кофе сменились новостным блоком. Суровый диктор вещал: «Самолет с 227 пассажирами и 12 членами экипажа исчез во время полета из Куала-Лумпура в Пекин. В поисках задействованы корабли, самолеты и спутники Китая, США, Таиланда, Индонезии, Вьетнама. Поиски пока результатов не принесли. Для родственников пропавших без вести организованы пункты оказания психологической помощи». На экране появилось рыдающее лицо девушки. Майко никогда не понимала, как можно лезть с камерой в душу людям, переживающим трагедию. Было в этом что-то садистски жестокое. Майко почти нажала кнопку переключения каналов, но что-то в словах девушки заставило ее остановиться.

– Понимаете, я не успела в аэропорт. Мой друг улетел без меня. Я купила билет на следующий рейс. Мы даже не успели попрощаться!

Майко все-таки переключила канал. Что-то в словах девушки неясно резануло ее, какое-то слово. Майко не могла пока ухватить ускользающую нить. Он набрала номер. Бодрый голос Марата наполнил душу теплом.

– Доброе утро. Прости, что беспокою.

– Это не беспокойство. Это радостное волнение.

– С тобой все хорошо?

– Конечно. Ты же позвонила. Ты опять смотрела телевизор? – все, что в устах любого другого мужчины звучало бы заезженно, произнесенное этим удивительным бархатным голосом заставляло Майко таять. Любила все-таки она этот восточный колорит.

– Уже нет, – улыбнулась Майко. – Я позвонила пожелать доброго дня.

– Жду тебя на тренировке, мой дорогой партнер.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть от неожиданности.

– Нет. Только не это, – простонала Майко.

Но это было оно. Гела плюхнулась рядом на диван.

– Только не говори, что ты должна была лететь на этом самолете, но в последний момент сдала билет.

– Налей мне кофе, – убито сказала Гела.

Стараясь вызывать в себе человеколюбивые чувства, Майко выполнила ее просьбу.

– Обои, – вид у Гелы был действительно испуганный.

– Ну, – Майко села напротив.

– Другие.

– Гела, не зли меня!

– У меня в квартире другие обои. Я встаю утром. Не сразу заметила.

«У тебя заметишь», – хмыкнула про себя Майко, зная, что каждый сантиметр площади в Гелиной квартире был чем-то занят. Она пыталась вспомнить обои в квартире у Гелы, но не смогла.

– А потом вдруг чувствую, что что-то не то. И понимаю.

– Гела, ты в летнем лагере, наверно, лучше всех страшилки рассказывала! Ну, что? Цвет? Фактура?

– Вообще другие. Белые с какими-то крапинками. Я бы такие ни за что не купила, – взвизгнула Гела и закурила.

– Гела, – Майко сдерживалась из последних сил. – У меня дела. Иди домой.

– Я боюсь. Пойдем со мной.

Майко внимательно взглянула на Гелу. Если она притворялась, то очень искусно.

Квартира Гелы действительно представляла собой полную противоположность японской скромности жилища Майко. Она была до отказа заставлена мебелью, нужной и не нужной.

– Любишься, – Гела кивнула на стену.

По правде сказать, Майко совсем не помнила, какими обои были раньше. Но то, что она увидела, заставило ее похолодеть от смутного предчувствия. Обои были почти белые с бледными странными рисунками: не то точки, не то черточки. Она подошла ближе и тронула их рукой. Они были чуть шероховатые, похожие на те, что Майко совсем недавно видела во сне. Она без сил опустилась в кресло.

– Что скажешь? – голос Гелы подозрительно дрожал.

– Зачем ты это делаешь? – тихо спросила Майко.

– Что именно? Ты что думаешь, – дошло до Гелы, – что я сама это сделала?

Изумление Гелы было натуральным. И несмотря на то, что у Гелы было своеобразное представление о хорошем и плохом, Майко все-таки верила, что на подобные сумасшедшие поступки Гела не способна. Или способна?

Гела тем временем, плеснув себе коньяку, умело выпила его и протянула рюмку Майко. Та не сопротивлялась. Тепло моментально разлилось по телу. И произошедшее не казалось уже таким пугающе странным.

– Ты знаешь, я пойду, пожалуй.

Майко встала:

– Я не знаю, что сказать.

– Майка, – Гела вцепилась ей в рукав. – Меня хотят свести с ума. Ты это понимаешь?

– Кто? Враги? Интервенты? – вяло поинтересовалась Майко.

– Не знаю! Но кто-то же должен был это все подстроить.

– У кого есть ключ от твоей квартиры?

– Ни у кого.

– Хорошо. Спрошу иначе. Этот новый ...как его? Миша?

– Паша.

– Паша ночевал у тебя?

– Ну, да. Что же нам в машине встречаться?

– Я сейчас не о моральной стороне вопроса. Вот и подумай, зачем ему твой ключ и зачем ему сводить тебя с ума.

Издательство по-прежнему не просто не отвечало, а подозрительно молчало. И Майко решила поехать туда сама. Погруженная в мысли о происходящих странностях, Майко пересаживалась с поезда на поезд. Ее станция временно была закрыта, и Майко вынуждена была добираться окольными путями.

Она думала о словах Марата и не видела разумного объяснения. Вдруг Майко остановилась как вкопанная. На нее тут же налетели сзади, раздались возмущенные возгласы, но Майко не реагировала. Здания, дорогу к которому, ей казалось, она довольно хорошо знала, не оказалось. Ну, то есть дома были, вполне узнаваемые. Но здание, в котором размещалось издательство, исчезло. Не было и таблички. Не хватало еще заблудиться! Или у меня начались провалы в памяти? Майко вернулась и прошла по другому переулку. На всякий случай она еще раз позвонила.

– Неправильно набран номер, – любезно равнодушно сообщил женский голос.

Первой мыслью было позвонить Марату. Но Майко передумала: «Что я ему скажу? Привет, Марат. Ты знаешь, пропало здание издательства вместе с издателем кстати». Тут никакие дружеские отношения не помогут. Майко никогда не курила, но сейчас ей отчаянно захотелось это сделать. Сама не зная зачем, она открыла сумку и вдруг увидела белый прямоугольник бумаги. «Геннадий Михайлович Ольшанский». Вот, пожалуй, с кем она могла поговорить.

Квартира у Геннадия Михайловича оказалось довольно уютной. Без модного металла и синтетики. Добротная мебель явно из настоящего дерева, солидный письменный стол, за которым хозяин, видимо, проводил много времени. И над столом миниатюра с японскими иероглифами: «Усо мо хобэн». «Ложь во спасение», – перевела Майко.

Геннадий Михайлович протянул ей чашку с горячим чаем, очень душистым, умело заваренным.

– Вы уверены, что не заблудились? – мягко спросил он.

– Теперь уже не знаю. У меня иногда возникает странное ощущение ирреальности происходящего.

– Может, это какие-то знаки?

На Геннадии Михайловиче была темно-синяя бархатная куртка и кипельно белая рубашка. И он совсем не выглядел напуганным или удивленным.

– Не помните вы девяностые. Вот мистическое время было. Исчезали целые организации, вагоны, партийный кассы, люди. И никто ничему не удивлялся, – иронично добавил Геннадий Михайлович.

– Вы интересуетесь Японией? – Майко кивнула на миниатюру на стене и поставила чашку с чаем на стол.

– Бывал там. И не раз. Удивительная страна. Удивительные люди. Почти инопланетяне. Знаете, что больше всего изумляет?

– Их трудолюбие? Верность традициям?

– Их отношение к природе.

– Уважительное?

– Благодарное. Это несмотря на тайфуны, землетрясения и прочие катаклизмы. Благодарность за то, что в большинстве своем она ласкова.

– Да, – подхватила Майко. – А меня удивляет их способность созерцать. Не смотреть. Созерцать. Как удастся сочетать новейшие технологии и внутреннюю неторопливость? И чуткость к красоте.

Майко, как всегда, когда говорила об интересующем ее предмете, увлеклась.

– Да. Особое отношение к красоте. Помните, эти странные русскому сознанию понятия: ханами – любование цветами, цукими – любование луной, юкими – любование снегом. При внешней суровости так много нежности, – видимо, Геннадий Михайлович тоже сел на любимого конька.

– А у нас при внешнем радушии так много жестокости.

– Но увы! Человек не волен выбирать страну, где родиться. Но он может, правда, может делать ее лучше.

– Согласна. Только не знаю, как, – Майко пожала плечами.

– Так, как поступаете вы. Честно делать свое дело. Жить по совести и в своем слое мира делать себя и других счастливыми.

– Так трудно быть счастливой, тем более делать счастливым кого-то, – грустно улыбнулась Майко. – Все время что-то мешает или чего-то не хватает.

Геннадий Михайлович достал с книжной полки явно старую книгу. Всю в закладках. Вернулся в кресло и раскрыл ее.

– Удивительно, но здесь ближе всего японцам по мироощущению оказался, пожалуй, самый русский писатель. Лев Николаевич Толстой. Хотите самый лучший рецепт счастья?

– Хочу, – улыбнулась Майко.

– «Радуйся на небо, – неторопливо начал читать Геннадий Михайлович, – на солнце, на звезды, на траву, на деревья, на животных, на людей. И блюда за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит ты ошибся где-нибудь – ищи эту ошибку и исправляй».

– Все просто.

– Как и все гениальное.

– И как трудно это сделать.

– Как и все гениальное. Чувствуете? Если ты не счастлив, то виноват в этом сам. Люди привыкли искать виноватых в своих несчастьях. Обижаться на этот мир, презирать его за несовершенство. И стараться убежать, укрыться от него.

– Например, в виртуальном мире.

– Например, там, – внимательно посмотрел на нее Геннадий Михайлович. – Создавать искусственное, когда есть уже необыкновенно прекрасное. Самое прекрасное – реальная жизнь.

– Я поняла вас, – снова улыбнулась Майко, хотя взгляд Геннадия Михайловича снова поднял со дна души смутные, тревожные чувства. – Как же все-таки быть с издательством?

– Никак, – Геннадий Михайлович откинулся в кресле и положил ногу на ногу. – Отпустите эту ситуацию. Плывайте по течению. Думаю, все само объяснится. И ничего не бойтесь, слышите? – Геннадий Михайлович взял Майко за руку. – Потому что в конце все будет хорошо.

– А если не хорошо, то это еще не конец, – закончила за него Майко.

Уже дома Майко сделала себе горячего чая с лимоном и, укрывшись пледом, села на диване. Ее лихорадило, но не от подхваченной простуды. Она просто кожей ощущала, что вокруг что-то происходит, но никак не могла потянуть за эту ниточку, которая позволила бы распутать клубок. Не выходило у нее из головы плачущее лицо девушки. Что же было ею сказано, что родило эти смутные предчувствия? Ямомотя пришел из кухни и бесцеремонно залез к Майко на колени. То, что ей пришлось убрать чашку в сторону, его совершенно не смущало. Потоптавшись немного, Ямомотя лег ей на ноги. Майко тут же захотелось сменить позу, но Ямомотя был мрачен, и она решила потерпеть.

– Что ты обижаешься? Ты же ел. Гела у себя дома. Что-то не так?

На морде Ямомоти явно читалось: «Оставь меня, старушка, я в печали». В коридоре послышались шаги, и Майко поняла, что про соседку она поторопилась. На пороге стояла Гела.

– Опять у тебя открыто! Ты ненормальная! У меня вот все закрыто, и то какая-то чертовщина происходит.

– Угу. Что сегодня все нормально?

– Леша переклеил обои.

– Он же слесарь.

– В первую очередь, он – мужчина. С руками. Во-вторых, ему нужны деньги. Что ты пьешь?

– Чай.

– Пойду, налью.

Своей бесцеремонностью Гела давно переплюнула Ямомотю. Она вернулась и села на подушку к низенькому столику.

– Вот, Майко, все у тебя не как у людей. Что нельзя было нормальные стулья купить? Стол? Сидим на подушках, как неандертальцы.

– Вряд ли неандертальцы сидели на подушках.

– Ты знаешь, – Гела пропустила замечание мимо ушей, – самолет так и не нашли. Исчез. Испарился.

– Да. Ужасно.

– Сегодня по телеку говорили о том, что столько катастроф за такой короткий промежуток времени еще не было. На Рен-ТВ сказали, что близится конец света.

– А на ТВ-3 что говорят? – вполне серьезно осведомилась Майко. Она все-таки вытянула затекшие ноги, и Ямомотя, изобразив на морде одно из своих самых оскорбленных выражений, забрался на книжный шкаф.

– На ТВ-3 выступал ученый. Он сказал, что по всему пришли последние времена.

– Ну, да, – расхохоталась Майко. – «Истинно вам говорю: 1 мая 1925 года Земля налетит на небесную ось».

– Это кто сказал? Опять твой Булгаков?

– Не совсем. Но тоже умный человек. Ты его все равно не знаешь. Мужик один.

– Женатый?

– Наверняка.

– Слушай, а тебе самой не жутко? Из-за этого дурдома? Я даже есть не могу. Вот похудела даже, – Гела с сожалением оглядела себя.

– В конце все будет хорошо, – неожиданно для себя повторила Майко слова Геннадия Михайловича.

– Ладно. Поверю. Раз ты говоришь. Но ты все-таки дверь закрывай.

После ухода Гелы, когда под ее ворчание, Майко закрыла дверь, в квартире воцарилась звенящая тишина. Майко поискала возле дивана тетрадку. «Аригато, Сатоси Танака, – поблагодарила Майко и, открыв ее, вновь переместилась в любимый ею мир.

Уже покраснели клены. Тихо шуриша, летели их листья и, как маленькие лодочки, застыли на зеркальной поверхности пруда. Над изогнутой крышей жилища вдалеке в дымке виднелись очертания величественной горы. Устремленная в небо, она как будто глубоко задумалась о чем-то.

*Не спит Онтакэ.
Сон его краткий встревожил.
Смотрит на небо.*

Она опять в этой комнате. Но теперь ей не любопытно. Она понимает, что хочет, очень хочет выйти отсюда. На стенах из белой бумаги теперь отчетливо видны иероглифы. Но прочитать Майко их никак не может. Хотя теперь она четко знает, что это и есть ключ. Почему же складываются иероглифы в бессмыслицу? И почему ей так страшно их складывать?

Майко проснулась с колотящимся сердцем. Она никак не могла вспомнить, что так напугало ее во сне. Она повернула голову и наткнулась на косящий взгляд и мокрый нос Ямомоти. Недолго думая, он ткнулся в нее этим носом и замурыкал.

– Заработал, трактор, – Майко сердито вытерла щеку. – Уйди, тракторист. Я, между прочим, еще тоже не завтракала.

Это Ямомотю явно не интересовало. Он потрогал лапой ее одеяло, и Майко окончательно поняла, что придется встать. К тому же она услышала настойчивый вызов скайпа. На экране Майко увидела огромные, испуганные глаза Инны. Они были однокурсницы и коллеги. Дружили во время учебы, но потом Инна почувствовала тягу к педагогической деятельности и осталась работать в институте. Хотя Майко полагала, что не только из-за учительского призвания. Инна была красавица. Студенты ее обожали. Сформировалось даже некое общество фанатов, которое ежегодно пополнялось. За одним из своих первых обожателей Инна давно и счастливо была замужем. Ко всему прочему она увлекалась альпинизмом, и многие фанаты вынуждены были разделять ее любовь к горам. Вот и сейчас Инна с группой студентов счастливо должна была лазать по горам в Японии. И утренний звонок удивил и обрадовал Майко.

– Привет, Инна! – Майко подпрыгивала, натягивая джинсы. – Как Нагой? Как горы? Все облазили?

– Представляешь, – голос Инны был тревожен. – Здесь такой ужас! Вулкан проснулся, слышала? Пепел на десятки километров. Кажется, даже на зубах хрустит. Десятки человек погибли! Мы сегодня должны были начать восхождение. В общем, отпуск испорчен!

– Да ты что, Инка! Радуйся, что живы остались! Ваши все целы?

– Это, конечно, – опомнилась Инна. – Не волнуйся. Кстати позвони в институт. У них для тебя какая-то работа есть.

Картинка на мониторе исчезла. Майко вышла на кухню, на ходу натягивая футболку, и включила телевизор. Мелькали апокалипсические кадры. Голос диктора возбужденно сообщал:

– В субботу неожиданно вулкан проснулся и началось чудовищное по своим масштабам извержение. На склонах в это время находились сотни людей, поскольку вулкан популярен как объект восхождений и считается удобным и достаточно безопасным для начинающих альпинистов. Число раненых пока точно не известно. Всего на вулкане в момент извержения находилось более 300 человек, около 60 из которых смогли экстренно спуститься вниз и укрыться в двух альпинистских лагерях. Судьба остальных неизвестна.

Майко переключила канал. Специалист в студии рассказывал об этом же:

– Диаметр вулканических камней составляет от 10 и более сантиметров. А скорость их падения составляла не менее 300 км в час. Вообще, Онтакэ считался спящим вулканом...

Больше Майко ничего не слышала. Онтакэ! Сон его краткий встревожил! Что за чудовищное совпадение? Майко бросилась в комнату. Ничего не понимающий, Ямомотя метнулся за ней. Майко достала свои исписанные листы. Теперь она поняла, какое слово, произнесенное девушкой, засело занозой в ее мозгу. «Попрощаться!» Она не успела с кем-то попрощаться! А память услужливо подсовывала обрывок разговора с Гелой: «Вагоны, прям, рассыпались!» Что там еще? За последние несколько дней? Землетрясение, цунами! Майко медленно опустилась на диван, листы печально кружась, разлетелись по полу.

– Я сошла с ума.

Она уже машинально набирала номер и почти не удивилась, услышав голос Марата.

– Марат?

– Да, моя дорогая.

– Я могу записаться к тебе на прием?

– То есть кислород не помог? – уточнил Марат.

– Боюсь, у меня проблемы.

– Давай решим их вместе. Что она сделала на этот раз?

– Это не она. Я говорила тебе про мои переводы?

– Не сомневаюсь, они будут как всегда гениальны.

– Я пишу хокку, а в действительности все так и происходит.

– В каком смысле? – мягко спросил Марат.

– Например, вчера ночью я написала про вулкан Онтакэ. Вчера же случилось его извержение.

– Так.

– Я написала про исчезнувший и не попрощавшийся ни с кем ветер...

– И?

– Пропал самолет.

– Не вижу связи. Еще?

Голос у Майко становился менее уверенным:

– Там в одном хокку про рассыпавшиеся бусы. В Москве сходят с рельс вагоны.

– И при чем здесь бусы?

– Несколько дней назад, – еще тише продолжила Майко, – про океан, непрочность мира.

– Корабль затонул?

– Нет, – упавшим голосом сказала Майко. – Цунами огромной силы.

– Все?

– Все.

– Логичнее было бы, если б затонул корабль. Мне не нравится твое эмоциональное состояние.

– Ты думаешь, я притягиваю все за уши?

– Ну, ты же слышишь себя? Но вообще я хотел бы поговорить с тобой.

– Завтра тренировка.

– Вот и прекрасно. Запланируй меня после тренировки. Хорошо? – голос Марата улыбнулся.

– Марат. Я ...боюсь переводить дальше.

– Хм. Тем более переводы. Это все существует только в твоём воображении.

– Это шизофрения? – робко поинтересовалась Майко.

– Ты же знаешь: нет здоровых людей, есть недообследованные, – усмехнулся Марат.

– Звучит неутешительно.

– Но все! Слышишь, все недообследованные! Пиши и ничего не бойся.

Майко не сразу поняла, что это за звук. И откуда он идет. Она прислушалась и поняла: кричала женщина. Где-то внизу. Скорее всего в подъезде. Не раздумывая, Майко бросилась

на помощь. На площадке никого не было, но крик продолжался. Причем он приближался и был ужасен. Майко словно приросла к цементному полу площадки. И через несколько мгновений на лестнице показалась Гела. Она истошно визжала, прическа ее растрепалась, лицо было в красных пятнах.

– Майко! – только и смогла крикнуть Гела.

– Ты цела? Скорую вызвать? – она уже втянула Гелу в квартиру и лихорадочно осматривала ее. Кроме того, что Гела была перепачкана в чем-то черном, видимых повреждений на ней не было.

– Цела! – Гела села прямо на пол в коридоре и тяжело дышала.

– За тобой гонится кто-то?! – Майко инстинктивно закрыла дверь на ключ и даже опустила собачку. Дверь была стальная, и Майко верила в ее надежность

– Что это? – она провела ладонью по Гелиной щеке. – Пепел Онтакэ?

«Какая же я гадина», – мелькнуло у Майко, но не съязвить она не могла. Гела с трудом приходила в себя:

– Я упала там, на ступеньках. Несколько раз.

И тут Майко начала смеяться. Она буквально повалилась на пол. Ее скрючивало от смеха. Дыхание прерывалось. Из глаз катились слезы, но Майко смотрела на Гелу, и новый приступ смеха охватывал ее. Майко чувствовала, как вместе со смехом выходит напряжение последних дней.

– Какая же ты все-таки свинья, – Гела растирала грязь по лицу. Майко наконец успокоилась и только изредка всхлипывала.

– Извини. Иди, умойся, – она протянула Геле руку, но та встала сама.

– Где мой телефон? – спохватилась она.

– Да вот твоё сокровище, – Майко подняла с пола блестящий золотистый прямоугольник. Экран его был безнадежно испорчен и покрыт сетью трещин.

– Ах! Сломался, – запричитала Гела.

– Вот это действительно трагедия. Иди. Я сделаю тебе чай.

Ставя чайник на плиту, она слышала, как плещется в ванной Гела. Она вышла и угрюмо села за стол. На лице ее не было косметики, и теперь оно напоминало наконец лицо живого человека. Причем вполне симпатичного.

– Что все-таки случилось? – спросила Майко, стараясь, чтобы голос звучал участливо. Несколько минут Гела молчала.

– Лифт сломался. Я пошла пешком, – Гела судорожно вздохнула и продолжала:

– Я поднималась. А потом поняла: лестница не кончается.

– Что это значит?

– Не знаю. Я задумалась, но все равно по ощущениям уже давно должен был быть наш этаж. Я пошла быстрее, потом побежала, – по мере рассказа Гелино лицо снова пошло пятнами. – А она все не кончалась. Как в страшном сне. Понимаешь? Я бегу, а ступеньки все идут и идут вверх. И почувствовала, что никогда, никогда не поднимусь. И я закричала. А потом увидела тебя.

– Гела, – мягко начала Майка.

– Нет! – крикнула Гела, Ямомотя подпрыгнул на всех четырех лапах и опрометью бросился в комнату. – Я говорю тебе! Мне не показалось! Я уже десять раз должна была подняться на наш этаж! Понимаешь?

– Нет.

– И я нет. И было ощущение, – Гела явно подбирала слова, – Что это один и тот же этаж. Как во сне. Знаешь, когда убегаешь от кого-то и не на сантиметр не продвигаешься.

– Тебе надо отдохнуть. Поспать.

И тут Гела жалобно посмотрела на нее:

– Можно, я лягу у тебя?

Майко хотела было отказаться, но увидела глаза, полные слез, и вздохнула:

– Можно.

Гела отказалась идти домой даже за ночной рубашкой. Майко дала ей чистую пижаму в веселенький розовый цветочек и выслушала все о несексуальности своего гардероба и о том, что с такой пижамой она никогда не выйдет замуж. После чего напуганная Майкиной угрозой отправить ее за сексуальными вещами домой, Гела наконец устроилась на кровати и замолчала. Забрав свои бумаги, Майко ушла на кухню и устроилась на кухонном диванчике. Другого спального места у нее просто не было. Ямомотя постоял какое-то время у кровати в комнате и в задумчивости пришел на кухню.

– Да, великий император, – тихо сказала Майко, глядя императора по голове, – сегодня нам придется устроиться здесь. Потому что людям надо помогать. Ямомотя, кажется, был с этим категорически не согласен. Он с остервенением полизал лапу и, забравшись на подоконник, стал задумчиво грызть цветок. Майко чувствовала себя совершенно опустошенной. Ей не хотелось больше думать о странностях, которые заполняли ее жизнь, и, вспомнив слова Марата, она открыла заветную тетрадку.

Как странно, что белый цвет не цвет радости. Он как белое полотно, с которого стерты все краски жизни. Это цвет траура. И лицо женщины в белом, с черными, как будто кукольными волосами, ничего не выражает. Оно застыло словно маска. И мир вокруг тоже будто потускнел, отодвинулся.

*Белое кимоно.
На ветру растрепались
Черные косы.*

Теперь появился звук и свет. Только звук был слышен снаружи. Едва различимый вначале, он становился все громче. И в комнате теперь очень светло. Так что больно глазам. Но свет этот тоже идет снаружи и расплывается через белые листы. Но Майка уже не пытается читать иероглифы. Она и так знает, что написано.

Майко вздрогнула всем телом и проснулась. От неудобного лежания затекла шея. И все тело ломило. Майко встала и сделала несколько разминочных упражнений из айкидо, восстанавливая кровообращение. Как хорошо, что вечером она увидится с Маратом. И он ей все объяснит, и все встанет на свои места. Потому что с ним никогда не страшно. Он умный и добрый. И, кажется, она его любит. Майко смутилась от этой мысли, но в то же время она наполнила ее теплом. И жизнь действительно прекрасна и бесконечна. Когда тебе всего 35.

На кухню прибрела Гела.

– Йога? – спросила она.

– Нет. Айкидо.

– Есть разница?

– Для тебя, думаю, нет.

Гела была похожа на приведение, но смешное приведение. Волосы ее растрепались, на щеках еще был утренний румянец, который обычно Гела замазывала искусственным румянцем.

– Умничаешь? – зевнула Гела.

– Гела, а какого цвета твои настоящие волосы? – поинтересовалась Майко.

– Каштановые, кажется. А что?

– Тебе бы пошел каштановый, – задумчиво произнесла Майко.

– Да иди ты! Мужчины предпочитают блондинок.

– Не думаю, что цвет волос имеет значение.

– Ну не скажи, – Гела уселась на диване. – В белом есть какая-то беззащитность. А мужчины любят, когда надо кого-то защищать. Причем чем слабее мужчина, тем слабее должна быть женщина. Ну, или казаться слабее. Вот ты, – философствовала Гела, и Майко пожалела, что подняла эту тему.

– Сильная. Умная. Значит, чтобы тебя любить, надо быть еще сильнее. А кому это надо, скажи? И еще, конечно, твоя образованность. Значит, надо быть еще умнее. В общем, – подытожила Гела, – с тобой трудно.

– А с тобой легко.

– Да, – согласилась Гела. – Со мной просто. Давай позавтракаем.

Майко встала к плите и скорее почувствовала, чем увидела, что Гела взяла в руки пульт.

– Послушай, давай сегодня обойдемся без телевизора.

– Ну, я тихо. Новости же надо посмотреть, – Гела взяла яблоко из вазы и откусила.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем тебе знать новости?

– Чтобы беседу поддержать. Мужчины любят обсуждать новости. И потом пусть будет фоном. Я не люблю тишину. Я ее боюсь, – неожиданно призналась Гела.

Майко сердито поставила сковородку на плиту и разбила туда яйца. Она демонстративно гремела посудой, чтобы не слышать телевизора. Хотя, надо признать, Гела, действительно, максимумно убавила звук.

– Ни фиги себе! Твои японцы! – вдруг воскликнула Гела. Спина Майко напряглась, она ничего не ответила, но уже знала, что сейчас услышит. Гела прибавила звук:

– На северо-востоке Японии произошла авария на АЭС «Фукусима-1». Сильные подземные толчки достигали 9 баллов. После этого побережье было охвачено большой волной цунами. Были разрушены 4 из 6 реакторов. Повреждена система охлаждения. Уже прогремело несколько взрывов водорода. Правительство Японии принимает экстренные меры по эвакуации и спасению населения.

– Белое кимоно, – неслышно сказала Майко. – Белое кимоно, Марат.

– Давай пройдемся по парку, – предложил Марат. Вечер был чудесный, теплый. Пахло молодой травой и хвоей. Майко чувствовала, что Марат беспокоится. Он уже несколько раз тревожно взглядывал на нее. Но пока ничего не говорил.

– Понимаешь, Майко, – он взял ее за руку, и Майко хотелось идти так бесконечно. Неважно, куда. И слушать его мягкий голос.

– Так бывает. Когда человек чем-то очень увлечен. Особенно это происходит с творческими людьми, с учеными, занятыми какой-нибудь мономыслью. И все в мире, как будто начинает притягиваться к этой идее. События, которые происходят. Люди, которые встречаются. И это не безумие. Назовем это, информационное пространство.

– Ты тоже видишь, как твои идеи о влиянии компьютерных игр на психику человека находят свое воплощение в реальности?

– Скажем, я все больше встречаю таких людей. И они доказывают правоту моих наблюдений. Опущу медицинские термины, если позволишь. Если совсем просто: все чаще встречаются люди с «паталогическим использованием компьютера». Они, аддикты, эмоционально неустойчивы, тревожны, у них часты депрессии в реальном мире. Однако настроение их улучшается в мире виртуальном. Большинство из них плохо адаптированы в социуме. Поэтому для аддиктов реальный мир скучен и в то же время полон опасностей. Хотя многие из них на сознательном уровне понимают, что их увлечение – это бег от реальности.

– Отсюда когнитивный диссонанс, – подытожила Майко.

– Верно. Иными словами, аддикт находится в ситуации противоречия самому себе.

– Есть выход?

– Всегда есть выход.

Вдруг Майко почувствовала, как Марат с силой сжал ее руку. Она испуганно ойкнула, а потом проследила за его взглядом.

– Что это? – прошептала потрясенная Майко.

Они часто после тренировок гуляли по этому парку. Была у них любимая аллея, до которой они дошли незаметно за разговором. Здесь росли елочки, любовно высаженные ландшафтными дизайнерами. Теперь аллея являла собой странное, если не сказать страшное, зрелище. Елки на всем протяжении аллеи исчезли. Через одну.

– Вот гады, – выдохнула Майко, еще ничего не понимая. – Неужели выкопали? До нового года еще как...

– Тихо! – Марат увлек ее за собой. – Их никто не выкапывал. Смотри!

Их, правда, никто не выкапывал. Их просто не стало. Росла веселенькая зелененькая травка, кое-где желтели смешные одуванчики. Майко оглянулась:

– Марат!

Так было везде. Где-то деревья исчезли вовсе. Не было пеньков, сломанных веток. Их просто не стало, как будто кто-то взял ластик и стер все это. Парк являл собой настолько странное зрелище, что было удивительно, как они сразу этого не заметили. А еще здесь не было людей. Ни мамочек с колясками, ни собачников, ни парочек.

– Мы остались одни на планете? – тихо спросил Марат.

– Пока нет, – услышала Майко и медленно обернулась. На дорожке стоял Геннадий Михайлович, на нем был тот же простой костюм и очень хорошая обувь, как успела заметить Майко еще в прошлый раз.

Космос был глубок и бездонен. И Земля казалась такой маленькой, что хотелось скорее защитить ее. И она была полна жизни. То, что к ней приближалось, жизни было лишено, лишено разума и злой воли. Его траектория полета просто совпала с траекторией этой планеты. Ничего личного.

Майко не хотела открывать глаза. Она чувствовала тепло руки Марата и знала, где они. Как он мог оказаться с ней в этой белой комнате? Но он был рядом.

– Майко, что это? – тихо спросил Марат.

Она уже знала что. «Нет! Я не хочу! Я не буду!» – хотелось крикнуть ей. Но Марат ждал. И ошибается глупая Гела, Майко должна быть сильной! Она должна быть достойна его. И она больше не боится. Майко открыла глаза. На белой бумаге проступали иероглифы. И ничего не надо было переводить.

Краток миг встречи.

Смотрит прощально луна.

Скоро рассвет!

Затем была яркая вспышка. И экран компьютера стал сплошным черным прямоугольником. И посередине экрана на черном фоне появились крупные белые буквы GAME OVER.

Майка в оцепенении смотрела на эту черноту. В этот самый миг миллионы геймеров «Реальной жизни» видели на экранах своих компьютеров то же самое. Несколько лет игры, прокачанные герои, карьера, семьи, дети – все было уничтожено. Но они все еще смотрели на черный экран не в силах поверить случившемуся. Майке казалось, что вместе с ее Майко уходит сама жизнь. Вдруг на экране появился седой мужчина в простом костюме. Майка сразу узнала его. Он был похож на Гагарина, если бы первый космонавт дожил до его лет.

– Комбан ва. Меня зовут Сатоси Танака. Я не вирус, как могли подумать многие из вас. Я один из разработчиков игры «Реальная жизнь». И я хочу, чтобы вы выслушали меня. Одиночество – самое печальное, что может случиться с человеком. Но как научиться общаться? Как найти единомышленников? Как стать наконец счастливым? Мы были молоды. Нам казалось, что наша игра поможет людям во всем мире научиться этому, а потом перенести свой опыт

в реальность. И мы создали «Реальную жизнь». Тренажер жизни. Здесь можно было не только стать персонажем. Игра давала возможность для развития своих лучших качеств. Кто-то видел себя в спорте. Кто-то в творчестве. Кто-то учился обаянию и становился всеобщим любимцем, заводил друзей.

Но я не был бы программистом, если бы не предвидел и другого исхода событий. Люди могли уйти из реальности и жить только своим персонажем.

В игру мною был внедрен программный защитный механизм, запустить который было бы просто невозможно, если бы в «Реальную жизнь» не стали играть безотрывно, полностью погрузившись в процесс игры. И когда один из персонажей достиг высшей ступени развития, модуль защиты начал свою работу. Тетрадь с японскими хокку была отправлена. И хорошо прокачанная героиня Майко-сан начала переводить их.

Открывающиеся в другую сторону двери, исчезнувшие вилки, обои, меняющиеся на глазах, бесконечные лестницы... Простите мне мое озорство. А в это время ваш выдуманный мир рушился. Случались катаклизмы, техногенные катастрофы. Здесь, к сожалению, почти ничего не пришлось придумывать. Посмотрите внимательно вокруг. Последнее хокку и двадцатикилометровый астероид «Эрос» означали конец игры – game over. Но вас всех ждет рассвет. И это рассвет настоящей жизни.

Сатоси Танака низко поклонился, и на экране осталась только красивая картина рассвета.

Майка какое-то время сидела в оцепенении. А потом она решилась. Это был шанс. Ее шанс. Она набрала знакомый номер и с бьющимся сердцем слушала далекие гудки. Все ведь могло быть совсем не так. Но он сам дал ей этот номер в игре. И если она что-то понимает...

Когда Майка уже потеряла надежду, в трубке раздался мужской голос:

– Я слушаю.

– Это Майка.

– Это действительно ты? – его голос не был похож на тот, что она привыкла слышать, но это уже было не важно.

– Ты хочешь покататься на роликах?

– На роликах? – Марат радостно засмеялся. – Да. Это мое любимое занятие. После айкидо, конечно.

Пятое озеро

*Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные...
И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то бессмертии,
причем бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску.
М. Булгаков «Мастер и Маргарита»*

1

Ветки иногда хлестали по лицу, но мужчина как будто не замечал этого. Могло показаться, что бежал он без всякой системы, что называется «куда глаза глядят», но это только на первый взгляд. Он был в тайге, как дома, и ориентировался с чуткостью зверя. Сколько раз, чтобы не умереть с голоду или просто забыть свою тоску, он отправлялся вглубь без страха и возвращался обратно по одному ему ведомым меткам. Сегодня он уходил, чтобы не возвращаться. За плечами был холщовый мешок с хлебом, солью, самодельным ножом. Все остальное он мог добыть сам. В деревне его хватятся только под утро, а значит, он успеет уйти очень далеко. Он бежал ровно, не сбивая дыхания, высоко впереди маячила яркая звезда. Он не знал ее названия, но всегда находил ее первой на потемневшем небосклоне. Она то появлялась, то исчезала за высокими лапами елей. Те росли кучно, образуя вверху настоящий купол. В ночной мгле раздавались звуки. Тайга жила своей особенной жизнью. Но звуки эти не пугали, сейчас самым страшным для него были бы человеческие голоса. Но здесь уже не ступала нога человека. Пахло сырой землей, прелыми листьями. Холодный воздух обдувал разгоряченное лицо. Хорошо, что он научился видеть в темноте, как кошка. А лучше летучая мышь. В деревне все боялись этих тварей, только не он. Ему хотелось бы иметь такие же крылья – плащи и бесшумно летать, наводя суеверный ужас на глупцов. Он посмотрел на небо, цвет его неуловимо начал меняться. Значит, совсем скоро появятся эти странные деревья, верхушки которых словно подрезаны на одинаковой высоте каким-то острым предметом. Скоро он будет на месте. Вокруг стало темнее, как будто живые стены обступали его. Небо почти скрылось. Он набрал побольше воздуха и шагнул в заросли, появившиеся ниоткуда. Острые шипы цеплялись за грубую ткань, ноги по щиколотку погружались в мягкую землю. Если бы он захотел посмотреть назад, то увидел бы, как за его спиной ветки сплетаются друг с другом. Впереди он уже видел сияние. Еще шаг, и он на месте. Как всегда у него захватило дух от открывшейся картины. Вода идеально круглого озера была полна звезд. Мелкие, крупные, они дрожали и вспыхивали в глубине. Вокруг мрачной стеной возвышались великаны-деревья со странными кронами. Разбуженные птицы недовольно перепархивали с ветки на ветку. Только сейчас он понял, как устал. Сняв мешок, он бросил его под голову и лег на мягкую траву, которая буйно росла вокруг и в которой, как он точно знал, не было ни одного насекомого. Последнее, что он увидел перед тем, как погрузиться в сон, яркую знакомую звезду, ласково смотревшую на него со светлеющего неба.

2

Забытая Богом, несмотря на наличие деревообрабатывающего объекта, Ужаниха давно не видела молодых, свежих лиц да и вообще лиц новых. Молодежь уехала в город в поисках лучшей жизни. Трудно было обвинить их в этом. Из культуры здесь только библиотека и киоск с промышленными товарами, в котором до сих пор в ходу сапоги «прощай, молодость» и цветастые байковые халаты. Жизнь здесь текла размеренно, подчиняясь природному распорядку. Вставали с рассветом, ложились с закатом. Перед сном обсуждали местные новости. Телевизор смотреть не любили. Все, что показывал волшебный ящик, казалось, происходило в параллельном мире, который и назван так, потому что никогда не пересекается с их миром. Но вчера сработала геометрия Лобачевского. И мир Киры пересекся с миром этого странного места. Кира, занятая своей книгой о фольклоре Сибири, вспомнила об Ужанихе. Вернее, были живы детские впечатления. Ее двоюродная бабушка Шура жила здесь со своим дружным многочисленным семейством. Раскулаченный работающий прадед Ермолай Данилович попал с Украины в Сибирь и начал все с нуля. Так и закрепилось здесь семейство корнями. Кира, всю жизнь прожившая в Новосибирске, с удовольствием приезжала в гости к бабе Шуре. Все работали, и маленькая Кира была предоставлена себе самой. Много времени проводила она на чердаке, где сушились абрикосы, яблоки, вишня. Стоял густой летний запах солнца. Она с удовольствием читала Булгакова, совсем не по возрасту. Но мир булгаковских героев захватил ее воображение. И фигура Воланда совсем не пугала, а заставляла задуматься над не детскими вопросами. Не понятна ей была только печаль, которую вызывало бессмертие у героев Михаила Афанасьевича. Ей хотелось жить вечно: смотреть мультики, есть мороженое, играть с подругами. Любовь к Булгакову привела ее к филологии.

Древняя старушка Федора Ивановна была подслеповата, с острым крючковатым носом и сурово поджатыми губами. На удивление, она помнила Шурку, и потому Кире было разрешено периодически приезжать сюда. Кира и приезжала. Помогала по хозяйству, разговаривала, но больше слушала истории из того, другого времени, которые помнились бабе Федоре, как будто случились вчера.

Кира помнила свой первый приезд сюда. Ровно год назад. Сергей, видимо, устав от углов привезти ей любую бабку на дом, чтобы только Кира не ездила в эту глухомань, просто навязал свою помощь. И Кира сдалась. Всю дорогу до Ужанихи он мужественно молчал, начав чертыхаться только на последнем жутком участке бездорожья. Здесь прошел дождь, и Кира впервые порадовалась, что поехала на внедорожнике Сергея. Они вышли из машины, сразу увязнув в грязи.

– Прости, – виновато сказала Кира. – Но вряд ли мне бы подошли старушки из твоего отделения.

По иронии судьбы ее дом стоял почти у самого леса.

– Ну вот, – глубокомысленно заключила Кира, – все как учил великий Владимир Яковлевич Пропп: дом на границе живого и мертвого мира. Главное, чтобы хозяйка оказалась дарительницей, а не похитительницей детей.

– А поподробнее? – откликнулся Сергей, оглядывая довольно запущенный двор: покосившийся от старости сарай, пустую собачью конуру, какие-то палки, сломанные стулья, железный матрац.

– Видишь ли, Сережа, Баба-Яга, как известно, – проводник в мир мертвых. А потому дом ее на границе, – пояснила Кира.

– То есть Баба-Яга – пограничник? – уточнил Сергей.

Кира рассмеялась и продолжила, слегка ткнувшись в его плечо:

– Если все так, то нас ждет ритуальное омовение в бане и еда, не предназначенная для живых.

– Последнее звучит не так чтобы... Понапридумывал ваш этот Пропп. А вот про омовение интересно.

– Даже не сомневаюсь, – не поддержала игру Кира.

– На самом деле, – Кира села на своего любимого конька. – Все имеет свое объяснение. Причем очень интересное.

– Для вас, узких специалистов, интересное? – опять уточнил слегка задетый Сергей, понимая, что не в его интересах обижаться.

– Для человеческой цивилизации. Раньше своих умерших люди хоронили в специальных домовинах. Ну, это такие домики над землёй на очень высоких пнях с корнями. Корни, похожие на куриные ноги. Домовины ставились так, чтобы отверстие в них было обращено в противоположную от поселения сторону, обычно к лесу.

– Ну, да к лесу задом, ко мне передом, – проворчал Сергей, он нашел какую-то палочку и теперь тщетно пытался отковырять грязь от подошвы.

– А домовина с украинского переводится как «гроб», и люди верили, что мертвецы летают на гробах, – продолжала Кира. – Относились к умершим предкам с почтением и страхом, никогда не тревожили их по пустякам, чтобы не навлечь на себя беду, но в трудных ситуациях всё же приходили просить помощи. Так что, Баба-яга – это умерший предок, мертвец, и ею часто пугали детей.

– А почему ты раньше мне этого не рассказывала?

– Потому что ты не спрашивал.

– Закончили?

Голос Федоры Ивановны прозвучал за их спинами настолько неожиданно, что они оба вздрогнули.

– А теперь огород вскопать, ветки сухие попилить, воды в баню натаскать.

3

Солнце настойчиво светило прямо в закрытые глаза, и под веками полыхало пламя. Он проснулся и вдыхал утренние острые запахи. Наконец, Ян решился открыть глаза, через ровные кроны видны были ярко-голубые кусочки неба. Рядом чуть слышно плескалось озеро, точно дышало. Он повернул голову. Теперь в воде отражалось солнце и синева. Она была удивительно прозрачной, каждый камешек можно было разглядеть на дне. И само дно было не илистое, как можно было подумать. Ян скинул одежду и вошел в воду. Как всегда это было необыкновенное ощущение: как будто миллионы иголок впилась в тело, но совсем не больно, пожалуй, щекотно. А потом и это ощущение прошло. Осталось только чувство необычайной легкости. Тело утратило вес, то же самое, наверно, испытывают птицы в небе. Каждая клеточка его тела наполнялась энергией. Поплавав немного, он вышел на берег и посмотрел на свою кожу. Она как будто приобрела серебристый оттенок. По опыту он знал, что так продлится пару минут. Он наблюдал, как кожа отражает солнечные блики и синее небо. Постепенно блеск исчезал, видны стали кровеносные сосуды, как маленькие реки разветвляющиеся, несущие свои красные воды. Вскоре и прозрачность исчезла. Он вспомнил, как первый раз увидев это, обезумел от страха, метался по поляне, терся о траву. Ян тихо засмеялся: каким глупым он был. Ощущение неиссякаемой энергии не проходило. Что самое интересное, есть ему тоже не хотелось, несмотря на то, что последний раз он ел давно, кажется, еще в прошлой жизни. Мысли пришли ясные, четкие. Он отыскал глазами самые высокие деревья. Там, за их стволами, прятался его шалаш, сделанный добротнo из густых еловых лап. Он был настолько прочен, что мог укрыть и от проливного дождя, и от ветра. Хотя он знал, что пронизывающего ветра здесь никогда не бывает. Здесь вообще всегда тихо и тепло, как будто это место окутано чем-то упругим и одновременно мягким. Он помнил, что все это испугало его в первый раз настолько, что он поклялся никогда больше не приходить сюда. Но через какое-то время понял, что его манит это озеро.

Однажды он подрался с Михой-аркудой, прозванным так из-за огромного роста и полного сходства с медведем. Как водится, тот пристал первым да по пьяному делу. Вначале куролесил в избе, потом вывалился на улицу. Темная сила требовала выхода, и, ничего не объясняя, Миха ударил его в челюсть. Ян был увертливее, но Миха в два раза больше. И Яну досталось. Кроме разодранной рубахи, были разбиты губы, один глаз превратился в узкую щелочку. Ну, бесило Миху, что Иван (так на русский манер называли Яна в деревне) не пьет брагу, вырезает что-то из деревянных чурок и думает о чем-то. Последнее было особенно обидно. Миха подзревал, что думы Ивана какие-то недоступные. За них то, возможно, и любит его Алена. Так вот Ян добрел тогда до этого озера и снова вошел в его воды. К вечеру этого же дня на нем не осталось ни одной царапины. Алена, видевшая его после драки, охнула и в изумлении уставилась на него.

– Ты, – только и смогла произнести она.

– Что?

– Как ты это сделал?

– На мне все заживает, как на собаке, – отшутился он, но недоверие в ее глазах осталось.

А еще, пожалуй, испуг. Ян тогда твердо решил, что ничего не скажет ей о странном озере. Так прошло несколько лет.

А потом как-то незаметно все стали сторониться его. Когда становилось совсем грустно или тяжело, он уходил к озеру. Изменения происходили и в нем. Не только внешние: он перестал болеть, наполнился недюжинной силой. Но что самое главное – изменения были и внутренними: он вдруг остро стал осознавать, что люди из его родной деревни, как будто говорят на другом языке. И мысли их больше направлены вниз, к хозяйству, скотине, урожаю. Его

мысли летели вверх. Все чаще задумывался он о том, зачем все это? Если вокруг дикость, невежество, пьянство, страх, который сопровождает человека всю его жизнь. Должен быть смысл в том, что он, Ян, пришел в этот мир. Его захватила жажда, которую не могло утолить озеро. Это была жажда узнать этот мир, понять его устройство. Не верилось ему, что Илья-пророк едет на своей колеснице, когда в небе грохочет гром и сверкают молнии.

По деревне между тем поползли слухи. В то утро бабы в деревне встали рано, запаслись лукошками и пошли за земляникой. У самой околицы им встретился Ян. Они проводили глазами высокую стройную фигуру, а потом Глафира, острая на язык, вдруг сказала:

– А ведь мой Тимофей в один год с Ванькой рожден. Ведь к сорока им.

– И что? – откликнулась другая в белом выцветшем платке, уродливо закрывающем почти все лицо.

– А то, – огрызнулась Глафира. – Мой седой, как лунь. В морщинах весь, как яблоко из печи. А на этого погляди. Как будто ему осьмнадцать.

– И то правда, – подхватила Арина. – У мово ноги гудут, болят, спина. Едва с печи слезат. Алена молчала, покусывая травинку.

– Чево молчишь? Твой ить жених был?

– Был да сплыл, – ответила Алена.

– Чего ж за него не шла?

– А он звал? – в сердцах сказала она.

Алена уже давно вышла замуж за Миху, устав ждать. И тот вроде как остепенился. Во всяком случае теперь походил он на медведя, которого по ярмаркам таскают, выучивши всяким фокусам. Да и сама Алена поняла однажды, что перестала быть Яну парой.

– И все строит что-то, чертит. Странный он.

– Уж почти и не разговариват ни с кем. Живет сам по себе. Как родители его померли, так и живет лешим.

– Да уж не знается ли он с нечистой силой, бабы? – предположила Глафира.

– Скажешь тоже, – не очень уверенно возразили ее подруги.

А вечером все, кроме Алены, не сговариваясь, завели об этом разговор с мужьями, которые тоже Ивана не жаловали. Они от жен отмахнулись, но мысль эта разрасталась, как снежный ком. Вплоть до вчерашнего дня, когда в его избу ввалились пьяные мужики и, набросившись все сразу, с двумя-тремя он бы справился легко, связали его и потащили к местному священнику. Накануне тот произнес пламенную речь о бесах, «овладевающих душами человеческими». До выяснения обстоятельств и процедуры изгнания решено было бросить Яна, предварительно поучив хорошенько бесов, в сарай. Среди ночи Ян развязал веревки и, выбравшись из плена, ушел, прихватив из укромного места заранее припасенный мешок, как чувствовал. Дорога была ему одна – к озеру. Он понимал, что уходит от прежней жизни навсегда. Какая жизнь ждет его впереди, он не знал, но чувствовал, что будет она необыкновенно долгой.

4

К вечеру им было разрешено помыться в бане. Баня была старая, закопченная с сухими пучками травы в маленьком предбаннике. Какое-то время они сидели вместе в летней кухне, где было постелено Сергею. Кира должна была расположиться в доме в маленькой душевой комнатке, похожей на кладовку. Из еды им была предложена варенная в мундире картошка, малосольные огурцы собственного приготовления, которые распространяли чудный аромат. От картофеля валил пар.

– Вполне человеческая еда, – заметил Сергей.

– Тебе, наверное, мало? – поинтересовалась Кира.

– Умеренность в питании – залог долгой жизни. Ты же хочешь жить долго?

– Хочу, – согласилась Кира.

– Вот посмотри на нашу Бабу-Ягу. Сколько ей лет? Она, может, еще царя Гороха помнит, а вот жива и бодр.

– Это все потому, что ограничивает себя в питании? – хмыкнула Кира. – Или потому что она сказочный персонаж?

Сергей, видимо, целый день вынашивал план молниеносного наступления. То, что Федора Ивановна постелила им в разных местах, любви к Федоре Ивановне не прибавило. Киру же, скорее, наоборот, забавляло. «Это тебе не услужливые девочки на ресепшене в гостинице,» – съязвила, не удержавшись, Кира. Время, когда она была безумно влюблена и страдала от ревности к жене, к другим женщинам прошло. Все, как известно, имеет конец. Она долго ждала его решительного шага, а потом вдруг поняла, что все прошло. О, это благословенное «вдруг»! Она вдруг излечилась от него. Сергей же не мог или не хотел в это поверить. Теперь они словно поменялись ролями. Так всегда бывает, когда кто-то из двоих любит сильнее. Они обязательно поменяются ролями. «Все сбудется, надо только расхотеть» – эту жестокую мудрость Кира узнала на самой себе. Теперь она спокойно смотрела на его красивое волевое лицо. И даже не находила его особо красивым. Спокойно наблюдала за его попытками вернуть все, как было. Он еще не знал, что Кира отрезала один раз.

– У твоего сказочного персонажа, кстати, букет вполне несказочных заболеваний, – стал он загибать пальцы. – Во-первых, запущенный сахарный диабет. Костяная нога тому доказательство. Во-вторых, кисетный рот при системной склеродермии. Это когда растет много соединительной ткани, где не надо. Стягивает рот, уменьшает просвет кишечника. Этим тоже можно объяснить худобу. В-третьих, остеопороз, отсюда горб в итоге.

Кира снова засмеялась:

– А ты все-таки умный.

– И наконец, тиреотоксикоз: много гормонов щитовидки. Беспокойная, худая, неуравновешенная, возбужденная. Что значит все-таки? – вдруг дошло до Сергея.

— А ничего это не значит, – отшутилась Кира.

Сверху донизу на полках в кладовке лежали старые журналы «Крокодил» и «Работница». Как выяснила Кира, выписывались они хозяйкой много десятилетий и складировались здесь. Как и старые потертые чемоданы. Мешочки с травой. Несмотря на духоту, пряный воздух приятно дурманил голову. Белье пахло свежестью, а перина была на удивление мягкой.

– Чай-то иди пить, – позвала Федора Ивановна.

На столе стоял пузатый чайник с ромашками. Край крышки был отколот. И старые местами треснувшие чашки с такими же ромашками. В стеклянной вазочке с выпуклыми виноградинами поблескивало варенье. Судя по цвету и запаху – земляничное. В Ужанихе всегда варили именно земляничное варенье.

– Федора Ивановна, а вы какие-нибудь песни, сказки старые знаете? – спросила Кира.

– Каки песни, – откликнулась Федора Ивановна. – Ничего такого я не помню. Ни сказок, ни песен. Смолоду-то мы шибко пели.

Она пожевала губами. Вдруг электрическая лампочка под плетеным абажуром дрогнула, засветилась ярко и погасла. Дом погрузился в темноту.

– Надолго? – почему-то шепотом спросила Кира.

– Кто ж его знат. Может, до утра. Экономят лектричество.

Федора Ивановна зажгла керосиновую лампу. Раньше Кира видела такие только на картинках в книжках про старую жизнь.

– Неужели керосиновая? – удивилась она.

– А то кака? Ко всему готовым надо быть, – философски изрекла Федора Ивановна. – Вот до войны я каки колготы да чулки рвались, не бросала. В мешочек складывала. А подружки-то: затяжка чуть и ну их в помойку. А я нет. Смеялись все надо мной. Что я, мол, старье всякое берегу. А когда война то была. А потом кончилась, а я на танцах в колготах шелковых. Все от зависти помирали. Богачка, говорят. А богатство-то от тут, – Федора Ивановна постучала по голове.

«Сергей бы сейчас сказал, что это типичное паталогическое накопительство», – подумала Кира.

Свет причудливо играл на лицах, и Кире показалось, что Федора Ивановна моложе своих лет. Какое-то время они помолчали. Слышно было только, как в кладовой комнате изредка во сне вскрикивал цыпленок да кузнечики за окном завели свою вечную песню. Из палисадника в открытое окно доносился тонкий запах мирабилис. Луна не по-городскому огромная смотрела любопытным желтым глазом. Низкое небо вдруг оказалось усыпано миллиардами звезд.

– Сказок не знаю. А вот быль иногда пуще сказки бывает, – услышала Кира.

Она незаметно включила запись на телефоне.

– Бывает иногда, что у человека двойник родится. Так и ходят они по земле. Друг про дружку не знат. Был у нас в деревне парень, – Федора Ивановна помолчала. – Красивый. Дружили мы. Мамка ругалась. Говорила все: «Красивый муж – чужой муж». Отец караулил даже. Без роду, без племени, говорили. И как в деревню попал непонятно. Родни никакой. Так и не заладилось у нас. Не знай поэтому, не знай еще почему. Я за Ермолая замуж вышла. Но так сильно только Ивана любила. Он из поляков, говорил, был. Черноволосый, плечистый. На одном месте все не сидел. По краю нашему ездил, изучал. Уехал с геологами. Все искали они что-то, воду каку-то волшебную. Навроде с космоса та вода.

Кира вдруг вспомнила:

– Это вы про легенду о пяти озерах?

– Может, и озера эти. Врать не буду, не знаю.

– Грустная история, – пробормотала Кира. – Жизненная. Но не фольклорная совсем.

– Уж и не знаю, сколько лет прошло. Мне тогда семнадцать, кажись, было. Сейчас семьдесят семь. Вот поехала я в город.

Что-то гроыхнуло, и на табурет рядом с Федорой Ивановной мягко плюхнулся ее черный кот. В свете лампы блеснули изумрудной глубиной глаза. Для полного арсенала домика Бабы-Яги не хватало только совы или черного ворона.

– Пришел, гулена, – обратилась она к коту.

Тот промолчал. Ответ и так был очевиден.

– Вы поехали в город, – напомнила Кира, глаза у которой вдруг стали слипаться.

Она уже чувствовала, с каким удовольствием положит голову на пахнущую свежестью и травами подушку. Федора Ивановна ласково погладила морщинистой рукой широкую черную голову.

– В прошлом годе, – уточнила Федора Ивановна. – И батюшки светы, думала, спятила. Идет мне навстречу Иван. Черноволосый. Ни единого волоса седого, ни одной морщинки. Плечи в сажень. Бороду только отпустил небольшую.

– И что же вы? – проснулась Кира.

– Встала, как вкопана, и слова не могу сказать.

– А он?

– Глянул да мимо прошел. Узнать-то меня не просто. Шесть десятков прошло. Красу-то смылю, как водой.

– Может, обознались вы? – предположила Кира.

Федора Ивановна с сомнением покачала головой:

– Никто вот не верит. Думат, свихнулась бабка. А я точно знаю, что он это. И походка, и взгляд. Коли любишь кого, не забудешь.

– Вы же понимаете, что это невозможно, – осторожно сказала Кира.

Федора Ивановна помолчала, задумчиво глядя кошачью голову. Кот мурлыкал на самой большой громкости, и рождалось ощущение, что внутри у него работает моторчик. Глаза у Киры снова начали слипаться.

– А что за озера? – спросила она, встряхивая головой.

– А вот сказку знаешь? Про живую и мертвую воду.

– Угу.

Голос ее словно издали доносился до Киры. Она видела себя на берегу какого-то странного озера, вода в нем сверкала необыкновенно, вокруг росли огромные деревья со странными ровными кронами.

– Наверде как вода в энтих озерах раны заживлят, бодрость дает. Только купнуться надо во всех пяти водах.

– Что ж действительно помогает?

– Так пятое-то озеро найти надоть. Пять камней с неба упало. Четыре нашли. А пятое ишшут. Как найдут, человек никогда не умрет.

Голос Федоры Ивановны сплетался в причудливое кружево. Свет лампы мерцал. Сверкали кошачьи изумруды. Громко бились о стекло веранды, привлеченные огнем, белые бабочки и мотыльки. «Как в сказке», – подумала Кира и удивилась этому беспричинному счастью.

«Нам грозит перенаселение», – совсем не испугавшись, констатировала про себя Кира.

Уснула она почти мгновенно, едва коснувшись подушки. Всю ночь Кира плавала в очень странной воде (к болезни! – как сказала бы ее бабушка Шура). И тело Киры вдруг становилось легким и серебристым, как чешуя рыбы.

5

Боровск был типичным уездным городом. Жизнь здесь царила скучная, а потому абсолютно дикая. То, что это неофициальная столица старообрядчества, Ян Мартинович понял, только когда судьба забросила его сюда. В городе были три молельни, но о настоящей вере речь не шла ни в одной из них. Доходило до того, что члены одной семьи могли принадлежать разным сектам, и жизнь превращалась в настоящий ад. Прав оказывался тот, кто сильнее. О науках, несмотря на наличие уездного училища, здесь и не помышляли. Никто, кроме одного чудесного учителя Константина Эдуардовича, слава о котором бежала впереди него. Ян Мартинович и не собирался задерживаться здесь, но ничего в жизни не бывает случайным. Познакомившись с местным изобретателем-самоучкой, он не смог уехать сразу. Константин Эдуардович был почти глух вследствие перенесенной в детстве болезни и, может, поэтому погружен в какой-то свой мир. Его считали чудачком, не понимали, как он мог тратить все свои деньги на какие-то дурацкие научные опыты и посмеивались над ним тихо, а чаще в открытую. Их встреча произошла, когда Константин Эдуардович запустил с учениками большого бумажного ястреба (увеличенную в несколько раз копию складной японской игрушки), весьма похожего на настоящую птицу. Ребятишки кричали во все горло от восторга, напуганные мужики, не стесняясь, крыли странного учителя арифметики матом, хорошо, что дело не дошло до рукоприкладства.

Яну Мартиновичу нравилось это семейство. В доме царила простота и уют, создаваемый как будто из ничего. Учительская работа денег приносила мало, и как Варвара Евграфовна умудрялась содержать на это семью, оставалось загадкой. Кабинет Константина Эдуардовича был завален бумагами. Наброски, чертежи. Ян принес сегодня результат своего ночного озарения, и тот чуть ревниво разбирал его формулы и схемы. Ян прохаживался по кабинету, а потом остановился возле окна, выходящего в палисадник. Неброской красотой светились васильки: голубые, лиловые, синие, почти фиолетовые. Солнышки ромашек ласкали глаз. Он вдруг вспомнил такой нехитрый букет в ее руках. И то, как она смеялась. И рыжие локоны выбивались из-под шляпки и светились на солнце, и казалось, что счастья не будет конца. Как не будет конца жизни. Он тряхнул головой и повернулся:

– Объем оболочки должен быть переменным, что позволит сохранять постоянную силу при различной высоте полета и температуре атмосферного воздуха.

– Согласен, – воскликнул Константин Эдуардович, внимательно следивший за губами Яна. – Для этого гофрированная боковина и стягивающая система. Волны гофра должны располагаться перпендикулярно оси дирижабля.

– А что если наполнить дирижабль горячим воздухом вместо водорода?

– Друг мой, мы мыслим в одном направлении, – улыбнулся Константин Эдуардович. – Смотри, это чертежи змеевиков, по которым будут проходить отработанные газы.

Ян подошел к столу, и они склонились над чертежами. Отвлекли их удары напольных часов, которые бесстрастно сообщали о том, как быстротечно время.

– А они говорят, что нет смысла поднимать в воздух металлическую машину, – сказал вдруг Константин Эдуардович, откладывая бумаги.

– Так и сказали?

– Ну, что-то вроде «весьма вероятно, что аэростаты будут и металлические, но устраивать металлические аэростаты трудно, а посему бесполезно и неприменимо».

– А что с деньгами?

– О! Конечно, просьбу же о пособии на проведение опытов отклонить, – засмеялся Константин Эдуардович, но глаза его оставались грустными.

– Они просто не хотят видеть дальше своего носа. Так всегда было и, начинаю думать, и будет. А ученый не может быть догматиком. Знаешь, я убежден, что человек покинет земную атмосферу.

– Как возможно это технически? – Константин Эдуардович покачал головой.

– Вначале должна быть мысль, которая потом найдет свое реальное воплощение. Помнишь, что говорил Федоров?

– К сожалению, я так и не решился сойтись с ним ближе. Потом очень жалел, но ты же знаешь, эта моя глухота...

– Да. Это личность, поверь мне. Он сделал из меня того, кем я являюсь теперь. Ното somnians (человек мечтающий). Без этого невозможно никакое открытие.

– А что если, – Константин Эдуардович смотрел вдаль, как будто видел не привычную картину, а нечто прекрасное и недоступное. – Если уж преодолевать земное притяжение и строить какой-то летательный аппарат, то надо лететь дальше. Например, на Луну.

– Например, – Ян радостно улыбнулся. – Я прочитал твою повесть. Она умна.

– Знаешь, я убежден, что человек – существо незрелое, переходное. Скоро на Земле установится счастливое устройство, прекратятся войны.

Ян задумчиво смотрел на друга, в глазах его плескалась печаль:

– Ты думаешь?

– Конечно! – с жаром ответил Константин Эдуардович.

– Давай подумаем лучше, сколько топлива нужно взять в этот аппарат...

– Ракету, – неожиданно сказал Константин Эдуардович.

– Ракету, – согласился Ян. – Чтобы получить скорость отрыва и покинуть Землю.

– Господа, чаю, – голос Варвары Евграфовны прозвучал неожиданно, они словно забыли, что кроме них, в доме есть кто-то еще. Она сдвинула их записи, ставя поднос.

– Иван Мартьянович, зачем людям небо, если они не научились жить на Земле?

– Небо нужно тем, кто не хочет больше смотреть себе под ноги. Остальные могут жить привычно.

– Вокруг так много серости, – продолжила Варвара Евграфовна. – Боюсь, она не даст другим смотреть в небо. Это означало бы, что вы лучше.

– Мы и есть лучше, дорогая, – засмеялся Константин Эдуардович.

– А еще мы очень скромны, – подхватил Ян.

– Как это вы удачно нашли друг друга! – всплеснула руками Варвара Евграфовна.

– Да. Это большая удача, – согласился Константин Эдуардович. – Ведь как известно «На высотах мысли царит одиночество».

– Я все думаю о количестве топлива, – Ян чертил ложкой на салфетке замысловатые узоры. – Скорость ракеты зависит от скорости вытекающих из нее газов и от того, во сколько раз вес топлива превышает вес пустой ракеты.

– Думал! – возбужденно воскликнул Константин Эдуардович, задел рукавом чашку с чаем и опрокинул ее, темная жидкость моментально впиталась в белоснежную салфетку.

– Прости, Варенька, – горестно охнул он.

Варвара Евграфовна всплеснула руками:

– Не обжегся?

Ян почувствовал что-то похожее на зависть. У них не было в запасе вечности. И они были счастливы. Он сегодня от чего-то особенно остро ощущал свое одиночество. Вспомнилось, как она стояла на подножке поезда и грустно смотрела на него. И волосы ее отливали медью.

– Ты приедешь за мной?

– Конечно, милая. Через неделю мы снова будем вместе. Навсегда.

– Навсегда, – улыбнулась она.

А потом вагоны, оторванные друг от друга, лежали на боку. Кругом был хаос и мешанина из железа, дерева, стекла и людей. И это было навсегда.

– Я понял! – озарение вытеснило боль. – Есть выход. Ракетный поезд!

– Поезд?

– Он будет состоять из многих ракет, которые соединены между собой.

– Так..., – Константин Эдуардович медленно поднимался из-за стола. – Ракеты работают поочередно, разгоняя всю систему. Топливо в одной ракете выгорает...

– Она сбрасывается.

– Поезд становится легче. Это просто и гениально!

Было много вечеров, но Ян помнил об одном особенно отчетливо. В красках и звуках.

Тогда они засиделись далеко за полночь. Ян вернулся из Москвы, и Константин Эдуардович с жадным вниманием слушал привезенные новости. Слово в комнату с затхлым воздухом врываются волны свежести.

Боровск спал, укрывшись тяжелым одеялом ночи. Где-то во дворах раздавалось редкое тьяканье собак во сне. Даже пьяные крики сегодня не разносились. Городишко словно умер, и это было так странно после дневного бестолкового шума. Ян поставил чашку с остывшим чаем на стол и сцепил пальцы на коленях. Решимость пришла сразу, как перед прыжком вводу. Он тронул друга за плечо, тот повернулся и напряженно посмотрел на его губы.

– Я знаю, как совершить полет, о котором мы мечтали.

Брови Константина Эдуардовича взлетели вверх.

– У меня есть корабль.

– Корабль?

– И мы можем улететь, если ты согласишься.

Вопросов было так много, что Константин Эдуардович молчал.

– Помнишь, я рассказывал тебе об озере.

– Из твоей юности?

– Мне больше ста лет, Костя. И это не шутка.

– Я, наверно, плохо разобрал, – забормотал Константин Эдуардович. – Здесь темно на веранде. Может, пройдем в дом?

– Нет, – Ян тронул друга за руку. – Ты разобрал все правильно. Я нашел озеро, которое делает меня практически бессмертным.

– Живая вода? – жалко улыбнулся Константин Эдуардович, все еще не веря себе.

– Думаю, вода самая обычная. Дело в том, что в озере. Я погрузился на дно. Хотя это было непросто. Мне пришлось сконструировать специальный аппарат, который позволил это сделать задолго до Генри Флюсса. На дне находится корабль. Уверен, он из космоса. Я не знаю пока, как достать его. Я не уверен, что смогу заставить его летать. Я один. Мне нужен ты.

– Когда ты родился?

– В 17.. году.

– И все это время?

– Да. Я никому не мог рассказать, пока не встретил тебя. Ты – гений. И ты нужен мне. Мы сможем исполнить нашу мечту. Твою мечту. И полететь.

Молчание длилось долго. Наконец, Константин Эдуардович начал говорить. Его голос звучал устало.

– Боюсь, Ян, что я не готов. Я болен. Я стар. Слишком поздно. Меня слишком многое держит. Но я знаю, что должен делать ты.

6

– Собрался на чужбину, в Сибирску сторону,
Пожитки уложились в котомочку одну.
Не поминайте лихом, оставил отчий дом.
Найдет он смерть, наверно, в холодном крае том,

– голос старушки дребезжал.

Веяло от него старинными временами. Кира с Сергеем сидели на сложенных возле забора бревнах. Вначале от них отмахивались, ссылаясь на дела. А дела, как известно, в деревне никогда не заканчиваются. Но все-таки Мария Андреевна, соседка бабы Федоры, за принесенную в баню воду пела тоненьким девичьим голоском песню о тех, кто в конце 18 века по приказу Екатерины был отправлен за крамолу на вечное поселение в Сибирь. Да и вообще лучшие люди часто оказывались в этом дивном, но суровом крае. Что должны были ощущать выдернутые из привычной жизни люди, отправляющиеся на край земли, где и жизнь, казалось, заканчивалась? И выживал здесь только сильнейший. И расселялись они по негостеприимной стороне, и пускали корни в мерзлую землю. Для многих Сибирь становилась могилой. Для иных настоящим домом. И чем глубже вращались люди, тем счастливее они становились. Отлетало все наносное, ненужное. И становилось вдруг понятно, что на самом деле ценно в этой жизни. Честный труд, чистая совесть, согласие с миром и с самим собой. Сибиряки – люди немногословные и, на первый взгляд, не эмоциональные, но настоящие. Песня закончилась, а Кира все еще находилась под впечатлением.

– Мария Андреевна, спасибо.

– Что Федора? – вдруг спросила старушка.

– Да вроде хорошо. Накормила, напоила, спать уложила, – улыбнулась Кира.

– Даже в бане попарила, – хмуро добавил Сергей.

– Рассказывают про своего друга? Кошея Бессмертного?

– А вы в эту историю не верите? – заметила Кира, ей почему-то стало обидно за Федору Ивановну.

– Вот и кот у нее странный, и она сама. Дальше своего носа не видит. А тут узнала, – поджала губы Мария Андреевна, она явно не считала себя подругой Федоры Ивановны.

– Что за Кошей? – спросил Киру Сергей, когда они возвращались обратно.

– Ты вчера проспал безумное чаепитие со Шляпником. Говорит, знает человека, который шестьдесят лет не стареет.

– Пришли Альцгеймер с Паркинсоном и долго руку ей трясли? – мрачно пошутил Сергей.

– Я понимаю, как это звучит, – Кира не улыбнулась.

– Кира, – Сергей вдруг остановился и взял ее за плечи.

Она покусывала травинку и, прищурившись, смотрела на зеленеющий невдалеке лес.

– Что? – холодно спросила Кира.

– Мне плохо, – Сергей убрал руки с ее плеч.

– Это пройдет.

– А если нет?

– Ничто не длится вечно, – Кира повернулась и медленно пошла в сторону избушки Федоры Ивановны.

Это было ровно год назад. А казалось, очень-очень давно. Она снова ехала по знакомой дороге. Кира любила скорость. Убегающая вдаль асфальтовая лента (хорошо, если лента)

давала предвкушение новой жизни, нет, жизни вообще. В салоне машины пел низкий странный голос:

Сигареты в руках, чай на столе —
Так замыкается круг,
И нам становится
Страшно что-то менять.

– Перемен, – подпевала Кира, и нога сама давила на газ. Машина шла легко и послушно. Скоро, правда, хороший асфальт закончился, а грунтовая дорога была испытанием не для слаботонервных. Кира закрыла окна. Клубы пыли оседали на боках Сиды. К тому же она с сомнением поглядывала на небо. Свинцовые низкие тучи сгрудились на горизонте. Они были прекрасны в своей страшной силе. Было похоже, что совещаться им по поводу дальнейших действий недолго.

– Эпичненько, – подытожила Кира.

Если она не успеет приехать до дождя, путешествие перестанет быть приятным. Ее вдруг снова толкнуло утренней волной. Кира к снам относилась без фанатизма, но Зеланда почитывала и с важностью снов соглашалась. Сегодня проснувшись, она не могла вспомнить свои видения, только обрывки. Странные, тревожные, а вот чувство щемящей, прямо-таки космической тоски помнила хорошо. Она несколько раз пыталась сложить обрывки, но они ускользали, видимо, проснулась Кира в медленной фазе сна. Какие-то необычные во все небо конструкции, очень много света, ощущение невесомости – это все, что удержало сознание. Она чувствовала, что что-то важное было в этом сне. Автомобиль потрянуло на неровностях, ветер, судя по деревьям, усиливался. Впереди Кира увидела одинокую фигуру с рюкзаком за плечами.

– Неужели турист? – удивилась Кира.

Ветер дул мужчине в лицо, кидая в глаза серую пыль. И он обернулся. Кира никогда не брала попутчиков, тем более попутчиков мужчин. Она проехала было мимо. В зеркале заднего вида фигура становилась все меньше, а тучи впереди все больше. До Ужанихи оставалось еще несколько километров, и Кира решительно нажала на тормоза.

Поравнявшийся с ней мужчина был достаточно молод, лет 40—45. Борода его совершенно не портила. Это у современных юношей на тоненьких ножках она смотрелась инородно, словно приклеенная на Новый год к детскому личику борода деда Мороза из ваты. «Но юность, наверно, тем и прекрасна, – думалось Кире, – что смешна и нелепа и совершенно не понимает этого.»

Она еще раз кинула взгляд на мужчину. Лицо загорелое и, кажется, доброе. Да и все его снаряжение говорило о том, что он не деревенский грибник. Одна хорошая кожаная обувь с высокими голенищами чего стоила.

– Неожиданно, – произнес мужчина в открывшееся стекло.

Глаза у него были не просто серые, а как будто подернутые пеплом. И странные. Кира не могла объяснить, в чем была эта странность.

– Сама не ожидала, – согласилась Кира. – Садитесь.

– Не бойтесь меня, – мужчина стряхнул с себя пыль прежде, чем сесть в машину. – Я геолог.

– Никогда раньше не приходилось общаться с геологами, – искренне удивилась Кира.

– Йонас.

– Кира.

– Хорошая музыка, – заметил Йонас. – Настоящая. Как книги.

– Жаль, что ушел рано.

– Все уходит вовремя. Не рано и не поздно.

– Вы так думаете?

Йонас промолчал. Он тоже поглядывал на свинцовую завесу.

– Да, наверно, вовремя уйти – это главное.

– А что могут искать здесь геологи?

– Счастья для всего человечества.

– Думаете, это реально? «И чтоб никто не ушел обиженным»?

– Уже нет. Раньше думалось. Но человечество не хочет быть счастливым.

– По-моему, человечество просто не хочет быть.

Разговор походил на ее любимую игру в бадминтон. Поддача отбита, следующий удар. Потемнело как-то сразу. Вначале небо пересек огненный зигзаг, похожий на кровеносный сосуд, и через мгновение свинцовая ткань порвалась. Оказалось, что выражение «льет как из ведра» – это не просто метафора. В машине сразу стало темно, за стеклами тоже. По крыше и лобовому стеклу лились потоки. Кира съехала на обочину и заглушила мотор.

– Чуть-чуть не успели, придется подождать, – печально вздохнула она и с опаской покосилась на попутчика.

– Да, время есть, – подтвердил он без улыбки и посмотрел на Киру.

Кире вдруг стало не по себе. «С ума что ли я сошла? – мелькнуло у нее. – На безлюдной дороге, с неизвестным мужиком. Может, у него в рюкзаке топор. Или чем там они свои булжники добывают».

Она вдруг вспомнила Чеховский рассказ «Пересолил», и ее осенило:

– Мне тут на встречу друзья выехали. Сейчас, наверно, будут.

Йонас вдруг улыбнулся:

– «Народ здоровый, коренастый... у каждого по пистолету». И на всякий случай у Вас с собой три револьвера. Так, кажется, у Антона Павловича?

Напрягшаяся было Кира покраснела, а потом рассмеялась.

– Не бойтесь меня. Я не опасен, – повторил он. – Здесь ищут озеро. Но пока найти не могут.

Слова его прозвучали, казалось, без всякой связи.

– Что-то такое я слышала. Но разве оно здесь?

– Действительно, вроде бы не здесь. Пять озер – самое известное место в Омской области. Туда приезжают не только геологи. Люди со всего мира. Вы верите в легенды?

– Так странно, что вы спрашиваете об этом именно меня, – задумчиво проговорила Кира. – Но расскажите.

– Существует легенда о том, что когда-то в этом месте упали метеориты или пять частей одного метеорита. От падения возникли котлованы, которые заполнились водой. По одной из версий есть четыре озера: Линево, Щучье, Данилово, Шайтан-озеро, или Урманное. Каждое из них обладает разными целебными свойствами. А пятое так и называется – Потаенное. На картах Потаенного, конечно, нет, дороги к нему нет. Наукой факт существования данного озера не признан. И вообще, путь туда, как говорят местные, открывается только тем, кого озеро принимает к себе. Так вот есть версия, что один из метеоритов упал совсем в другом месте. Гораздо дальше Омска.

– Неужели здесь? Интересно, оно реально потаенное или это миф. Он удачен для привлечения туристов.

– Неизвестно, но все упорно говорят про «Пять озер». В Омске даже водка такая есть. Кстати, местного производства.

– Вы были на всех этих озерах?

– Пятое озеро так и не нашли, – уточнил Йонас.

– Почему вы сказали, что геологи ищут счастья для человечества, – вспомнила Кира.

– Потому что согласно легенде пятое озеро дарует бессмертие.

– И при чем здесь счастье?

– Разве не об этом мечтает человечество?

– Я, конечно, не могу ответить за все человечество, но вряд ли, – задумчиво проговорила Кира. – Бессмертие, по-моему, не в вечной физической жизни, а в том, что человек оставляет после себя.

– Это слова. Просто вам никто его не предлагал.

– Какой-то странный у нас с вами разговор получается. Я точно не стану бороться за ложку эликсира.

Йонас внимательно взглянул на Киру:

– Любите Стругацких?

– Кажется, мое поколение не может их не любить.

– Кто вы по профессии?

– Я филолог.

– Тогда представьте: бесконечное время для того, чтобы прочитать все. Изучить языки мира. Читать на языке Шекспира, Мольера, Гомера. Понять истинную красоту того, что ими было создано.

Кира задумчиво смотрела на серую, непроницаемую пелену.

– Вопрос: зачем мне все это, если впереди бесконечность? Мне кажется, острота жизни ощущается лишь потому, что все конечно. Нельзя ценить то, что невозможно потерять. И потом... я узнаю все то, о чем вы говорите. И? Счастье для себя одной? Зачем оно?

– А если за это время удастся найти счастье для всего человечества?

– Убеждена, что человечество мне не поверит. Были прецеденты.

– Вы об Иисусе?

– И о нем тоже. Люди хотят совершать свои ошибки. Вся наша жизнь так не совершенна, – Кира тяжело вздохнула. – Я стараюсь не думать об этом в планетарном масштабе. Есть, наверно, иные миры, где все иначе. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.